

НАПРАВЛЯЕМЫЕ

ОПЫТЫ

ЖИЗНИ

СИЛО

Москва 2013 г.

НАПРАВЛЯЕМЫЕ ОПЫТЫ ЖИЗНИ

Лекция

*прочитана Сило в связи с представлением книги
в Атенеуме, Мадриде (Испании), 3 ноября 1989 г.*

2 мая 1916 года здесь, в Мадриде, в Атенеуме Ортега-и-Гассет представлял Бергсона. Он объяснял тогда, что общество Атенеум предназначено для культивирования и культя идей. И поэтому здесь, в Атенеуме, мы будем говорить не о литературе, что, казалось бы, соответствует характеру книги, которую мы представляем, не о рассказах и других сочинениях, составляющих ее, а об идеях, лежащих в основе произведения.

Конечно, этим мы не хотим сказать, что при изучении литературы идеи не принимаются во внимание. Дело в том, что обычно в подобных исследованиях превалирует эстетический подход.

Литературное произведение часто представляется с точки зрения формы и, конечно, содержания. Автор анализирует свой жизненный опыт, приоткрывает перед нами свою биографию, свои чувства и восприятие мира. В каком же смысле мы будем говорить об идеях? Данное произведение являет собой практическое воплощение оригинальной теории сознания, согласно которой особое значение имеет динамика образов. Для тех, кто не знаком с данной книгой, необходимо сделать ряд предварительных замечаний, которые, однако, ни в коей мере не затрагивают структуру идей, составляющих указанную теорию.

Итак, предварительные сведения о книге.

Она была написана в 1980 году, исправлена в 1988 и предложена Вашему вниманию совсем недавно. Здесь я хотел бы процитировать комментатора:

"Эта книга делится на две части. Первая называется "Рассказы" и включает в себя тринадцать историй с насыщенным и сложным сюжетом. Вторая часть – "Игра образов" состоит из девяти более простых, но, тем не менее, своеобразных описаний.

Предлагаемый материал может рассматриваться с различных точек зрения. Согласно первой (поверхностной) точке зрения – это ряд коротких рассказов со счастливым концом. К ним можно отнести как к черновым разработкам сюжетов, которые не лишены определенной доли "развлекательности". Исходя из этого, рассказы можно рассматривать как чисто литературные упражнения. Другая точка зрения позволяет определить эти произведения как психологическую практику, облаченную в литературную форму. Такой подход требует пояснений, которые и содержатся в комментарии, данном в конце книги.

Мы знаем немало самых разнообразных повествований, написанных от первого лица. Как правило, "первое лицо" подразумевает не читателя, а автора. В данной книге Сило отходит от этой давней традиции, превращая читателя в участника описываемых событий, который может дополнить их своим воображением. Подобные литературные упражнения сопровождаются в тексте звездочками, обозначающими паузы, что позволяет читателю мысленно создать собственный образ и превратиться из пассивного наблюдателя в актера и соавтора. Такая оригинальная форма, в свою очередь, помогает кому-то читать вслух, соблюдая указанные паузы, в то время как другие, слушая текст, могут создавать собственные литературные "узлы". То, что здесь побуждает к мысли, в других рассказах привело бы к разрушению сюжета.

Следует сказать, что в любом литературном произведении (если речь идет о театральных представлениях, кинофильмах или телевизионных постановках) читатель или зритель в более или менее полной степени может отождествлять себя с персонажами. Но одновременно, или позднее, он отдает себе отчет в различии между актером, исполняющим роль, и наблюдателем, который находится "снаружи", вне произведения, и является самим собой. В данной книге все происходит наоборот: человек становится действующим лицом, "сопереживателем".

Хотим мы того или не хотим, но следует признать, что эта книга представляет собой новое веяние в литературе, и без сомнения, такие события не происходят каждый день.»

Конец пояснений комментатора.

Итак, как уже было сказано, речь идет о небольших рассказах, в которых звездочки позволяют читателю приостановить повествование и привлечь свои собственные образы, соответствующие его восприятию. Ход мысли при этом не прерывается, а, напротив, введенные образы получают свое развитие. Рассмотрим один из подобных случаев, например, из первого рассказа "Ребенок":

"Теперь я уже нахожусь в луна-парке. Поздний вечер, везде сверкают и искрятся бесчисленные огни аттракционов... Но вокруг никого нет. Неожиданно возле себя я обнаруживаю мальчика лет десяти. Он стоит ко мне спиной. Я придвигаюсь поближе, мальчик оборачивается ко мне лицом, и я вдруг понимаю, что это я сам, когда был ребенком." Звездочка! Иначе говоря, пауза, чтобы поставить себя в виде образа, как того требует повествование. История продолжается: "...Я спрашиваю, что он здесь делает, и он бормочет что-то насчет несправедливости, жертвой которой он стал. Мальчик плачет, а я его утешаю и обещаю ему всяческие развлечения. Он продолжает твердить о несправедливости. Тогда, чтобы понять его, я начинаю вспоминать, какую же несправедливость я пережил в том возрасте". Звездочка!

Сказанное выше поясняет технику чтения "направляемых опытов жизни". Кроме того все "опыты" строятся по единой конструктивной схеме. Первый компонент – введение в тему; затем следует усиление так называемого "драматического" напряжения; третий компонент вводит некоторую жизненную проблему; четвертый – развязку как решение проблемы; пятый – ослабление общего напряжения и шестой – плавный выход из опыта, обычно с обратным прохождением через предыдущие этапы рассказа.

Необходимо сделать также еще несколько замечаний относительно контекстуально-ситуативных рамок, обрамляющих каждый опыт. Если нам требуется поместить читателя в такую точку, где он обретет контакт с самим собой, мы вынуждены исказить временную и пространственную структуры в соответствии с опытом наших собственных сновидений. Необходимо освободить динамику образа, убрав рациональное, препятствующее свободному и плавному развитию. Если же нам удастся также лишить тело устойчивости в пространстве, нарушив "телесный регистр", мы сможем поставить вопросы, относящиеся к любому времени жизни читателя, в том числе даже к будущему. Эти вопросы могут касаться возможных в будущем поступков и действий читателя. Рассмотрим пример, иллюстрирующий сказанное выше. Для этого мы выбрали опыт, озаглавленный "Спасительное действие".

«Мы мчимся с головокружительной быстротой по широкому шоссе. За рулем сидит человек, которого я раньше никогда не видел. На заднем сидении расположились две женщины и мужчина, которые мне тоже незнакомы. Мимо нас несутся машины, не соблюдая правил движения, будто их ведут пьяные или безумные люди. Я не могу понять, то ли рассветает, то ли наступает ночь.

Я спрашиваю своего спутника, что происходит. Он бросает на меня быстрый взгляд и отвечает на непонятном языке: "Rex voluntas!" Я включаю радио и слышу громкие щелчки и шумовые помехи. Тем не менее мне удается различить слабый металлический голос, который монотонно повторяет: "...rex voluntas... rex voluntas... rex voluntas..."

Движение машин замедляется, и я вижу на обочине дороги множество опрокинутых автомобилей, охваченных пламенем. Как только машина останавливается, мы выскакиваем из нее и бежим к полю вместе с обезумевшей толпой, сметающей все на своем пути.

Я оборачиваюсь назад: в дыму и пламени я вижу несчастных, попавших в смертельную ловушку. Но я не могу остановиться, человеческий поток увлекает меня за собой. В этом море безумия я безуспешно пытаюсь пробраться к женщине, которая прикрывает собой ребенка от бегущих людей. Многие из них падают на землю, другие топчут их ногами.

Паника и беспорядок нарастают, и я решаюсь передвигаться по диагонали, что позволяет мне отделиться от остальных. Я направляюсь к самой верхней точке, и это вынуждает обезумевших людей замедлить бег. Многие, теряя силы, хватаются за мою одежду, которая тут же превращается в лохмотья. Но я замечаю, что толпа потихоньку редет.

Мне удастся вырваться из их рук, и теперь, едва дыша, я продолжаю подниматься вверх. Остановившись на мгновение, я вижу, что толпа движется в противоположном направлении. Наверное люди решили, что внизу они скорее спасутся. Я с ужасом обнаруживаю, что впереди их ждет огромная пропасть. Я кричу изо всех сил, чтобы предупредить о неминуемой катастрофе хотя бы тех, кто находится ближе ко мне. Тогда один из мужчин отделяется от остальных и бегом направляется ко мне. Одежда на нем разорвана, и весь он изранен. Я счастлив, что он сейчас вне опасности. Подойдя ко мне, он хватая меня за руку и, причитая, показывает пальцем вниз. Я не понимаю его языка, но догадываюсь, что он просит кому-то помочь. Я говорю ему, чтобы он немножко подождал, потому что сейчас это невозможно... Вижу, что он меня не понимает. Его отчаяние меня очень расстраивает, разрывает мне сердце. Тогда он поворачивается, чтобы пойти обратно, но я толкаю его, и он падает навзничь. Лежа на земле, он горестно стонет. Со своей стороны, я понимаю, что спас ему жизнь и освободил от будущих угрызений совести, потому что он тоже хотел кого-то спасти, но я ему помешал.

Я поднимаюсь еще выше и останавливаюсь перед вспаханным полем. На рыхлой земле видны совсем свежие борозды. Издалека доносятся ружейные выстрелы и, кажется, я понимаю, что происходит. Я поспешно удаляюсь от этого места. Вскоре я останавливаюсь. Вокруг царит тишина. Я смотрю в сторону города и вижу зловещее зарево.

Вдруг земля у меня под ногами начинает колебаться, и из глубин доносится нарастающий гул, который возвещает о скором землетрясении. Я теряю равновесие и падаю. Я лежу на земле, сжавшись и глядя в небо; у меня кружится голова.

Земля перестает дрожать, и на небе появляется огромная кровавая луна.

Становится нестерпимо жарко. Я вдыхаю раскаленный и разъедающий горло воздух. Я по-прежнему не понимаю, то ли светает, то ли наступает ночь...

Когда я, наконец, сажусь снова, слышится подземный гул. Вскоре сотни самолетов, похожих на смертоносных насекомых, застилают небо. Они пролетают мимо и скрываются вдали, устремленные навстречу неизвестной судьбе.

Возле меня появляется огромная собака и воеет на луну, совсем как волк. Я окликаю ее. Та робко приближается, ложится возле меня. Я ласково глажу ее вздыбившуюся шерсть и чувствую, как она вся дрожит. Собака встает и покидает меня. Я тоже встаю на ноги и иду за ней. Мы проходим по каменистой дороге и останавливаемся перед небольшой речушкой. Собака, мучимая жаждой, бросается к воде и начинает жадно лакать, но тотчас отступает и падает на землю. Я приближаюсь, трогаю ее и убеждаюсь, что она мертва.

Новый толчок, и я еле удерживаюсь на ногах, но все успокаивается. Я оглядываюсь вокруг и вижу, что на небе, вдали, появляются четыре тучи, которые приближаются с глухим гулом. Первая туча - белая, вторая - красная, третья - воронья и четвертая - желтая. Они похожи на четырех вооруженных всадников, скачущих верхом на буре и объезжающих небо, уничтожая жизнь на Земле.

Я бросаюсь бежать, чтобы тучи не настигли меня. Мне ясно, что если я попаду под дождь, то подвергнусь облучению. Поэтому я уже лечу во весь дух, но вдруг дорогу мне преграждает колоссальная фигура. Великан угрожающе машет огненным мечом. Я кричу ему, что очень спешу, так как приближаются радиоактивные тучи. Он отвечает, что он всего лишь робот, поставленный здесь, чтобы не дать пройти разрушительным силам. Он добавляет, что вооружен смертоносными лучами и предупреждает, чтобы я не приближался. Я вижу, что великан четко разделяет два пространства: то, в котором нахожусь я, мертвенное и каменистое, и другое, наполненное яркой растительностью и жизнью.

Тогда я кричу ему: "Ты должен меня пропустить, потому что я совершил добрый поступок!"

- А что это за добрый поступок? - спрашивает робот.

- Это спасительное действие, которое сохранило жизнь.

- Так что же за действие ты совершил? - вопрошает он.

- Я спас человека от неминуемой смерти, кроме того, я освободил его от мук совести.

Великан тотчас отступает в сторону, и я прыгаю в благословенное пространство в тот момент, когда начинают падать первые капли дождя....»

Остановимся здесь. В "Примечаниях" имеется следующий комментарий: "Общая разреженность сюжета достигается неопределенностью времени («Я не могу понять, то ли рассветает, то ли наступает ночь»); противопоставлением пространств («Я вижу великана, который четко разделяет два пространства: то, в котором нахожусь я, мертвенное и каменистое, от другого, наполненного яркой растительностью и жизнью»); исключением возможной связи между людьми или созданием вавилонского смешения языков («Я спрашиваю своего спутника, что происходит. Он бросает на меня быстрый взгляд и отвечает на непонятном языке: «Rex voluntas»). И, наконец, героя бросают на милость неподвластных ему сил (жара, землетрясения, странные астрономические явления, радиоактивные воды, война, вооруженный великан и т.д.)» Тело героя постоянно пребывает в неустойчивом положении из-за толчков, хождения по свежевспаханной земле или из-за землетрясения".

Упомянутые рамки присущи многим Опытам, но каждый из них несет свои образы и выделяет свой особый "узел". Например, в опыте "Самая большая ошибка" осью повествования является своего рода недоразумение, которое рассматривается с точки зрения смешения перспектив. С другой стороны, речь идет о факте, который следует изменить в прошлом, о факте нашей жизни, который, как нам бы хотелось, свершился бы по-другому. Следовательно, мы должны в какой-то степени нарушить пространственно-временные отношения, с тем, чтобы изменились подход к прошлому и его перспектива. Таким образом, становится возможным вносить изменения не в свершившиеся факты, а в точку зрения на них, что в свою очередь приводит к значительным переменам в общем видении содержания фактов. Рассмотрим один фрагмент этого рассказа:

«Я стою перед судом. В переполненном зале царит тишина. Со всех сторон меня окружают суровые лица. Напряженное молчание собравшихся прерывается голосом Секретаря, который надевает очки, берет бумагу и торжественно провозглашает: "Суд приговаривает обвиняемого к смертной казни". Зал взрывается криками. Кто-то аплодирует, кто-то свистит. Какая-то женщина падает в обморок. Затем один из служащих требует, чтобы все замолчали.

Секретарь впивается в меня мутным взглядом и вопрошает: "Вы хотите что-нибудь сказать?" Я отвечаю, что да, хочу. Тогда все возвращаются на свои места. Я прошу принести мне стакан воды, в зале происходит какое-то движение, и мне подадут стакан. Я подношу его к губам и полощу рот, а затем громко прополаскиваю горло. После чего я произношу: "Вот теперь все!" Кто-то из судей резко спрашивает: "Что значит: "вот теперь все"?. Я отвечаю: "А вот это и значит: теперь все". И чтобы немного успокоить его, я говорю, что здешняя вода очень вкусная - кто бы мог подумать! - и еще несколько любезностей...

Секретарь заканчивает читать бумагу: "...согласно вышесказанному, приговор будет приведен в исполнение сегодня же и без промедления. Обвиняемый будет брошен в пустыне без пищи и воды. Особенно без воды. Я все сказал!" Я подскочил на месте: "Что значит "я все сказал"?" Секретарь, подняв брови подтвердил: "Я сказал, что все сказал".

Спустя некоторое время я уже еду на машине по пустыне в сопровождении двух пожарных. Машина останавливается, и один из них приказывает мне: "Выходите!". И я выхожу. Машина разворачивается и отъезжает. Она становится все меньше и меньше, пока совсем не исчезает за дюнами.

Солнце клонится к закату, но еще жарит вовсю. Меня начинает мучить жажда. Я сбрасываю рубашку и обматываю ею голову. Начинаю осматриваться вокруг. Рядом с соседними дюнами обнаруживаю овраг. Я подхожу к одной из дюн и усаживаюсь в узкую полоску тени, отбрасываемой склоном дюны. Ветер поднимает тучу песка, которая застигает солнце. Я вылезая из своего убежища, так как боюсь, что меня еще, не дай бог, может заживо засыпать. Песчинки царапают мою обнаженную кожу, словно осколки стекла. Ветер набирает силу и валит меня с ног.

Но вот, наконец, песчаная буря улеглась, и солнце зашло. В сумерках передо мной возникает огромное белесое полушарие, похожее на многоэтажное здание. Сначала я подумал, что это мираж, но все же решил подняться и направиться к нему. Подойдя поближе, я увидел, что это

конструкция из мягкого материала, напоминающего зеркальный пластик, возможно, она наполнена сжатым воздухом.

Меня встречает человек в одежде бедуина. Мы входим в устланную коврами трубу. Я чувствую, как меня освежает прохладный ветерок. Мы внутри конструкции. Здесь все перевернуто: потолок - это пол, с которого свисают различные предметы - круглые столы, опрокинутые ножками вверх, струи воды изгибаются и снова бьют вертикально вверх, и где-то высоко - фигуры сидящих людей. Увидев мое изумление, бедуин подает мне очки и говорит: "Наденьте их!". Я подчиняюсь, и сразу все встает на свои места. Напротив меня - большой фонтан, из которого бьют тугие столбики воды. Здесь много столов и других предметов, изысканно сочетающихся по цвету и форме.

Ко мне подползает на четвереньках Секретарь. Он говорит, что его страшно укачало. Тогда я ему объясняю, что он видит весь мир наоборот, и ему надо снять очки. Он снимает и, вздыхая, говорит: "Действительно, сейчас все в полном порядке, просто у меня близорукость". Затем он добавляет, что искал меня, чтобы объяснить: я не тот человек, которого надо было судить, просто получилась досадная ошибка. Сказав это, он вышел в боковую дверь.

Я иду вперед и вскоре встречаю группу людей, сидящих кружком на подушках. Это старики и старухи разных национальностей и в самых разнообразных костюмах. У всех у них прекрасные лица. Каждый раз, когда они открывают рот, раздаются звуки, напоминающие то скрип шестеренок, то шум гигантских машин, то тиканье огромных часов. Но я слышу также раскаты грома, треск разрушающихся скал, грохот снежных лавин, ритмический гул вулканов, перестук дождя, глухие удары сердца... И все это гармонично и совершенно, как в самом великолепном оркестре.

Бедуин протягивает мне наушники и говорит: "Наденьте. В них вы услышите перевод". Я надеваю и ясно слышу человеческий голос. Я понимаю, что это симфония одного из стариков, переведенная специально для меня. И когда он открывает рот, я слышу: "...Мы часы, мы минуты, мы секунды... Мы различные формы времени. По отношению к тебе была совершена ошибка, и поэтому мы дадим тебе возможность начать жизнь сначала. В каком месте ты хочешь начать? Может быть, с момента рождения? ...Может, в минуту, предшествующую поражению? Подумай хорошенько."» Звездочка!, и т.д. и т.п.

Теперь необходимо сделать замечания о типе использованных образов. Может сложиться впечатление, что наши описания опираются на сильный визуальный компонент, в то время как значительная часть людей обычно оперируют слуховыми, сенестическими, кинетическими или комбинированными представлениями. В этой связи я хотел бы процитировать несколько абзацев из другой из моих книг "Психология образа":

«Во все времена психологи составляли длинные списки, касающиеся ощущений и восприятий, и в настоящее время, после того, как были открыты неизвестные раньше нервные окончания, начали говорить о термоцепторах, бароцепторах, внутренних детекторах кислотности и щелочности и так далее. К ощущениям, соответствующим внешним органам чувств, мы добавим ощущения, исходящие от неясно выраженных источников, таких как кинестические (связанные с телодвижениями) и синестезические (регистрация общего внутреннего состояния, температуры, боли и так далее, которые, хотя и выражаются в понятии внутреннего тактильного органа чувств, не могут быть сведены только к нему). Все изложенное выше служит нам достаточным объяснением, хотя и не претендует на исчерпывающее изложение всех возможных регистрации того, что нам доставляют внешние и внутренние органы чувств и многочисленные перцептуальные комбинации тех и других. Поэтому важно провести параллель между представлениями и восприятиями, которые в самых общих чертах классифицируются как «внутренние» или «внешние». Жаль, что разговор о представлениях так часто сводился только к зрительным образам и что, кроме того, пространственность почти всегда соотносилась со зрительным, в то время как слуховые восприятия и представления также указывают на то, что источники раздражителей локализируются в каком-то «месте», как это происходит в случае с источниками осязательных, вкусовых, обонятельных ощущений и, конечно, с теми, что относятся к положению тела и к внутритроположенным феноменам. Уже в 1943 году в

лабораторных условиях было замечено, что отдельные индивиды проявляют большую склонность к слуховым, осязательным и синестезическим образам, чем к зрительным. На основании этого, в 1967 году G. Waltes сформулировал классификацию типов воображения с разной доминантой. Независимо от того, что этот шаг оказался удачным, среди психологов начала распространяться идея о том, что опознание собственного тела в пространстве или воспоминание о каком-либо объекте очень часто имеют под собой в качестве основы не зрительный образ. Речь уже не шла о том, чтобы, отталкиваясь от этих доказательств, рассматривать зрительные образы как ядро системы представления, выбросив остальные формы воображения на свалку «эйдетической дезинтеграции» или оставив их на откуп литературным произведениям, в которых идиоты и умственно отсталые произносят, например, такое: «Мне туфельку не видно, а рукам видно, и я слышу, как ночь настает, и рукам видно туфельку, а мне себя не видно, но рукам видно туфельку, и я на корточках слушаю, как настает темнота.»»

Продолжая наше исследование о направляемых опытах, мы должны согласиться с тем, что хотя преобладает зрительный опыт, любой человек в состоянии приспособить к ним свою систему восприятия. С другой стороны, в некоторых опытах со всей очевидностью разрабатывается другой тип образа. Например, в "Звере", который я частично процитирую:

«Я нахожусь в абсолютно темном месте. Чувствую под ногами неровную полурастительную-полукаменистую поверхность. Я догадываюсь, что где-то рядом меня поджидает пропасть. Но самое неприятное, я ощущаю, что поблизости притаился тот самый зверь, который вызывал у меня ни с чем не сравнимое чувство ужаса и отвращения. Может, это один зверь, а может их много..., но я совершенно уверен: что-то неотвратно приближается. Вокруг стоит мертвая тишина, но в ушах у меня раздается какой-то шум, порой сливающийся с отдаленным ревом ветра. Мои открытые глаза ничего не видят, сердце учащенно бьется, дыхание прерывается, в горле сжимается горький комок.

Что-то приближается. Что же там такое позади, отчего я чувствую, как по телу бегут мурашки и холодеет спина? Ноги мои делаются ватными. Если кто-то схватит меня или набросится сзади, я даже не смогу защититься. Стою неподвижно... и жду.»

Рассмотрим другой случай, иллюстрирующий другие типы образов и другой тип перевода из одной системы в другую. В этом нам поможет отрывок из опыта "Фестиваль":

«Похоже, что я лежу на койке в больничной палате. Слышу, как из плохо закрытого крана капает вода. Пытаюсь шевельнуть головой и другими частями тела, но они мне не повинуются. Глаза вот-вот закроются.

Мне кажется, что кто-то рядом со мной говорит, будто, к счастью, я уже вне всякой опасности... и теперь мне только надо немного отдохнуть. Непонятно почему, но эти неясные слова приносят мне огромное облегчение. Я чувствую, как тело мое затекает и тяжелеет, становится с каждой минутой все слабее.

Потолок надо мной белый и гладкий, и каждая капля падающей воды отражается на нем подобно лучику света. Капля - лучик. Снова капля. Затем много лучиков, которые волнообразно расходятся по поверхности потолка. Он начинает меняться, следуя ритму моего сердца. Может быть, это вызвано пульсированием крови, проходящей по глазным артериям. Постепенно на поверхности проступает лицо молодой девушки.»

И ниже, в этом же опыте, восприятие выходит за рамки визуального и образует более сложную систему, переводимую на другие типы восприятия, а затем и представления.

«Мое внимание привлекает цветок, соединенный с веткой тонким стебельком с прозрачной кожицей, внутри которого переливается зеленый свет. Я протягиваю руку и мягко провожу пальцем по этому упругому нежному стебельку с едва заметными уплотнениями. Передвигаясь таким образом между изумрудными листьями, моя рука приближается к лепесткам, которые открываются, взрываясь ослепительным многоцветьем. Лепестки подобны окнам величественного храма, они как рубины и как огонь догорающих в костре головешек... В переливе цветов и оттенков словно живет какая-то часть моего существа. И с цветка, вздрогнувшего от

моего прикосновения, падает капля сонной росы и цепляется за последний лист. Капля, вибрируя, становится овальной, затем удлиняется и уже в воздухе сжимается, чтобы снова округлиться, падая в безграничное время... Падая, падая в вечное пространство... Наконец, ударившись о шляпку гриба, она скатывается по ней как тяжелая ртуть и соскальзывает к самому краю. Там, в экстазе свободы, она бросается вниз, в маленькую лужицу, поднимая грозные волны, омывающие каменно-мраморный остров.» ...

«А фестиваль идет полным ходом, и я знаю, что с помощью музыки я соприкасаюсь с той девушкой, рассматривающей свою одежду, и с тем молодым человеком, который, прислонившись к дереву, гладит голубого кота. Я знаю, что когда-то это уже было в моей жизни, мне были знакомы уже и морщинистый силуэт дерева, и объемность тел.» ...

«Бархатные бабочки, порхающие передо мной, воскрешают в моей памяти нежность губ и хрупкость счастливых снов.» И т. д.

Но образы в Опытах размещаются не только перед субъектом или вокруг него, но и внутри него. Уместно признать, что в некоторых снах спящий как бы видит себя на сцене среди других объектов, т.е. обладает "внешним" взглядом. Но также случается, что иногда спящий видит сцену как бы от себя, будто он бодрствует. Взгляд его становится внутренним. В повседневном восприятии мы видим внешние по отношению к нам вещи как "внешние", иначе говоря, наш взгляд находится "позади" осязательного телесного предела, заданного положением собственных глаз, лица и головы. Таким образом, я могу закрыть глаза и представить виденное раньше. Однако, я ощущаю его как бы "вовне", хотя я в действительности смотрю не вовне, как при зрительном восприятии, а "внутри" моего пространства представлений. В любом случае мой взгляд отделен от объекта: я вижу его вне себя, хотя представляю его себе так сказать "внутри своей головы".

Когда в опыте о ребенке я вижу самого себя маленьким, я в действительности вижу ребенка с позиции моего сегодняшнего "я" и узнаю в нем себя. Иными словами, я вижу ребенка снаружи относительно себя, своим внутренним глазом. Ребенок ("я" в прошлом) рассказывает о некоей несправедливости по отношению к нему, и, чтобы узнать, о чем идет речь, я силюсь вспомнить ("я" сегодняшний, а не ребенок, которого я вижу) то, что произошло со мной в детстве (тот-что-я-прежде). Когда мне это удастся, мой взгляд проникает "внутри" меня, в мои воспоминания, и ребенок, которого я вижу, находится за пределами направленности моих воспоминаний.

Таким образом, когда я встречаюсь с самим собой в сцене детства, как я узнаю, что это действительно я? Несомненно, с помощью внешнего взгляда на себя, но и внутреннего взгляда относительно внешнего мира; в нашем случае, относительно ребенка в луна-парке.

Это обстоятельство порождает интересные вопросы, но чтобы закрыть тему, скажем лишь, что я могу говорить о представлениях, расположенных как "вовне", так, и "внутри", помня о том, что понятия "вовне" и "внутри" мы рассматриваем в плане различий, налагаемых осязательно-сенестетическим пределом глаз, лица и головы. Разобравшись с этим, рассмотрим примеры различий, имеющих в расположении взгляда и сцены. В опыте "Трубочист" говорится:

«Немного спустя трубочист встает и берет в руки длинный, слегка изогнутый предмет. Он останавливается передо мной и говорит: "Откройте рот". Я подчиняюсь. Затем чувствую, как он вставляет мне в рот нечто, напоминающее длинный пинцет, который доходит до самого желудка. Как это ни странно, но это вполне терпимо... Вдруг он кричит: "Готово! Схватил!" - и начинает медленно вытаскивать предмет. Вначале мне кажется, что при этом он раздирает мне внутренности, но потом я чувствую приятное облегчение. Кажется, что мои внутренности и легкие освободились от налипшей на них мерзости».

Ясно, что в этом случае мы оперируем сенестетическими регистрами, внутрителесными образами, но когда воображаемое "вовне" (так же как и воспринимаемое "извне" в повседневной жизни) порождает внутрителесные действия, изменение сцены и взгляда осуществляется по той же технике, что и в рассказе о ребенке. С той только разницей, что воображаемое как "вовне" – это не ребенок, представленный визуально. Здесь в понятие "вовне" я вкладываю своеобразный сенестетический регистр не в том смысле, что я чувствую нечто внутри себя и вдруг это чувство как-то находится вне моего тела. Но в том смысле, что ощущаемое внутри меня является внешним по отношению к моему взгляду (или к новому сенестетическому регистру, который становится еще

более внутренним). Без подобного механизма перемены положения и перспективы взгляда и сцены, многочисленные явления повседневной жизни оказались бы невозможными. К примеру. Почему некий внешний объект способен вызвать у меня отвращение только при взгляде на него? Как мог бы я "почувствовать" ужас, когда другой порезал себе кожу? Как мог бы я чувствовать боль, страдания и удовольствия других людей как свои собственные?

Рассмотрим несколько абзацев из опыта "Идеальная пара".

«Проходя по огромной площадке, предназначенной для промышленных выставок, я вижу всевозможные машины и сооружения. Здесь много детей. В их распоряжении множество современных технических игр. Я подхожу к великану, сделанному из плотного материала. Он стоит во весь рост. У него огромная голова, расписанная яркими красками. Большая лестница ведет прямо к его рту... Малыши карабкаются по этой лестнице, входят в отверстие между губами, которые мягко закрываются. Через некоторое время ребенок появляется из заднего прохода великана и, скользя по деревянной горке, скатывается вниз, в песок. Один за другим дети входят и выходят под звуки музыки, льющейся из великана:

«- Гаргантюа заглатывает детей. Очень осторожно, чтобы не причинить им вреда. А-ха-ха, а-ха-ха! Очень осторожно, чтобы не причинить им вреда».

Я тоже решил подняться по лестнице. Войдя в огромный рот, я встретил человека, который сказал мне: "Дети спускаются по горке, а взрослые - на лифте". Человек продолжает объяснения, пока мы спускаемся по прозрачной трубе. В какой-то момент я говорю, что мы должны уже находиться на уровне земли. Он возражает, что мы еще пока только проходим через пищевод, поскольку остальная часть тела находится под землей, а детский великан полностью стоит на поверхности. "Вот именно, в одном Гаргантюа помещается целых два, - сообщает он мне. - Один - для детей, другой - для взрослых. Мы сейчас уже глубоко под землей... Мы проехали диафрагму и скоро приблизимся к одному замечательному месту. Вот смотрите, сейчас откроется дверца лифта и появится желудок... Хотите выйти здесь? Как видите, это современный ресторан, в котором можно отведать блюда самых разных стран».

Вопрос о воздействии "внешних" образов на внутреннее представление еще более наглядно поставлен в опыте "Шахтер". Итак:

«Я кричу изо всех сил, и земля подо мной поддается и обваливается, увлекая меня за собой... Внезапно я чувствую резкий толчок в поясницу, веревка натягивается, и падение прекращается. Я повисаю в воздухе, подобно покрытому глиной маятнику. Я повис над самым полом, покрытом коврами. Я нахожусь в ярко освещенном элегантном зале, в котором расположено нечто вроде лаборатории и огромной библиотеки. Но меня сейчас волнует только одна мысль - как отсюда выбраться. Левой рукой я хватаю натянутую веревку, а правой расстегиваю пряжку, которой эта веревка была укреплена у меня на поясе. Затем я мягко падаю на ковер.

- Какие у вас манеры, друг мой! Какие манеры! - произносит писклявый голос. Я оборачиваюсь и застываю в изумлении. Передо мной стоит крошечный человечек, ростом сантиметров в шестьдесят. За исключением несколько заостренных ушей, все остальное в нем, можно сказать, необычайно пропорционально. На нем одежда шахтера, но очень ярких тонов. Когда он предлагает мне коктейль, мне становится и смешно и неприятно. Тем не менее, я выпиваю его, не моргнув глазом. Человечек складывает ручки и подносит их к губам наподобие рупора. Затем издает так хорошо знакомый мне стон. Во мне поднимается возмущение. Я спрашиваю, что значит, эта дурацкая шутка, и он отвечает, что благодаря этому мое пищеварение скоро значительно улучшится.

Это существо объясняет мне, что веревка, которая во время падения стягивала мне живот и поясницу, сделала очень полезное дело. Положительную роль сыграло также то, что я полз по штреку на локтях. Заканчивая свои странные комментарии, он спрашивает, хорошо ли я понимаю смысл фразы: "Вы находитесь в недрах земли". Я отвечаю ему, что это лишь образное выражение, но он возражает, что в данном случае ничего образного нет. И добавляет: "Вы находитесь в своих собственных недрах. Когда во внутренностях человека что-то неблагополучно, он плохо соображает. В свою очередь, плохие мысли отрицательно влияют на функции внутренних органов. Так что в будущем вы должны уделять этому больше внимания.

Если вы не будете этого делать, то я начну шагать, и вы почувствуете сильную щекотку и внутренние недомогания... У меня есть коллеги, которые занимаются другими частями тела - легкими, сердцем и т. д.". Сказав это, человек начинает ходить по стенам и потолку, и в то же время я чувствую напряжение в области живота, печени и почек.

Затем он направляет на меня струю воды из золотого шланга и тщательно смывает с меня грязь. Я тотчас становлюсь чистым и сухим, растягиваюсь на широченной тахте и успокаиваюсь. Человек ритмично проводит маленькой щеточкой по моему животу и пояснице, и тотчас я чувствую большое облегчение в этих местах. Я понимаю, что, как только пройдет недомогание в желудке, печени или почках, сразу изменятся мои мысли и чувства.

Я ощущаю вибрацию и понимаю, что поднимаюсь вверх. Я снова нахожусь в клетке грузоподъемника, который скоро доставит меня к поверхности земли.»

В этом опыте крошечный человек оказывается настоящим специалистом в теории сенестетического образа. Конечно, он не сказал нам, за счет чего возможно осуществление контакта между образом и внутрителесным, и почему возможно воздействие образа на внутрителесное.

Выше нам удалось не без труда увидеть, что восприятие внешних предметов служит основой для создания образа и что образ позволяет нам вновь представить то, что было ранее предьявлено органам чувств. Мы видели, что в повторном представлении происходят изменения в положении и перспективе "взгляда" наблюдателя относительно заданной сцены. Тогда мы спрашивали себя, какова связь между восприятием неприятного объекта и нашими внутренними реакциями.

Теперь мы рассуждаем о внутрителесных ощущениях, которые лежат в основе также "внутренних" представлений. Таким образом, мы столкнулись с большим числом вопросов, на которые нельзя дать исчерпывающие ответы и, боюсь, наше знание так и останется неполным. Во всяком случае, я хотел бы сделать еще несколько дополнительных замечаний.

Пока будет бытовать мнение об образе как простой копии восприятия, пока будет считаться, что сознание вообще пассивно относительно объективного мира и является лишь его отражением, мы не сможем ответить ни на вышеупомянутые вопросы, ни на многие другие, имеющие поистине первостепенное значение.

Мы полагаем, что образ – это активная форма включения сознания как структуры в объективный мир. Сознание способно воздействовать на само тело и на тело-в-мире, если интенциональность направлена вовне от себя, и не сводится к простому и естественному механическому отражению. Образ воздействует на пространственно-временную структуру и на внутреннюю "пространственность", которую мы называем "пространством представления". Разнообразные и сложные функции образа зависят обычно от его позиции в данной пространственности. Для полного обоснования сказанного требуется понимание нашей теории сознания, поэтому мы отсылаем читателя к нашей работе "Психология образа", первой части книги «К вопросу о мышлении». Но если через эту литературную "развлекательность", по словам комментатора; если через эти повествования и рассказы нам удалось показать прикладной аспект очень широкой концепции, значит, мы сдержали обещание, данное в начале лекции. Когда заявили, что мы рассматриваем данные "Направляемые опыты жизни" не с литературной точки зрения, а в плане идей, вызвавших к жизни это литературное выражение.

На этом все. Большое спасибо.

Сило, 03.11.1989

Пояснения комментатора

Эта книга делится на две части. Первая называется "Рассказы" и включает в себя тринадцать историй с насыщенным и сложным сюжетом. Вторая часть – "Игра образов" состоит из девяти более простых, но, тем не менее, своеобразных описаний.

Предлагаемый материал может рассматриваться с различных точек зрения. Согласно первой (поверхностной) точке зрения – это ряд коротких рассказов со счастливым концом. К ним можно отнести как к черновым разработкам сюжетов, которые не лишены определенной доли "развлекательности". Исходя из этого, рассказы можно рассматривать как чисто литературные упражнения.

Другая точка зрения позволяет определить эти произведения как психологическую практику, облаченную в литературную форму. Такой подход требует пояснений, которые и содержатся в комментарии, данном в конце книги.

Мы знаем немало самых разнообразных повествований, написанных от первого лица. Как правило, "первое лицо" подразумевает не читателя, а автора. В данной книге Сило отходит от этой давней традиции, превращая читателя в участника описываемых событий, который может дополнить их своим воображением.

Подобные литературные упражнения сопровождаются в тексте звездочками, обозначающими паузы, что позволяет читателю мысленно создать собственный образ и превратиться из пассивного наблюдателя в актера и соавтора. Такая оригинальная форма, в свою очередь, помогает кому-то читать вслух, соблюдая указанные паузы, в то время как другие, слушая текст, могут создавать собственные литературные "узлы". То, что здесь побуждает к мысли, в других рассказах привело бы к разрушению сюжета.

Следует сказать, что в любом литературном произведении (если речь идет о театральных представлениях, кинофильмах или телевизионных постановках) читатель или зритель в более или менее полной степени может отождествлять себя с персонажами. Но одновременно, или позднее, он отдает себе отчет в различии между актером, исполняющим роль, и наблюдателем, который находится "снаружи", вне произведения, и является самим собой. В данной книге все происходит наоборот: человек становится действующим лицом, "сопереживателем".

Хотим мы того или не хотим, но следует признать, что эта книга представляет собой новое веяние в литературе, и без сомнения, такие события не происходят каждый день.

Х. Валинский

Первая часть

РАССКАЗЫ

I. РЕБЕНОК

Я шагаю через поле. Стоит раннее утро. По мере того, как я продвигаюсь вперед, я чувствую себя все более уверенным и бодрым.

Впереди виднеется какое-то строение, явно старинное по виду. Похоже, что оно сложено из камня. У него двускатная крыша, тоже вроде из камня, мраморные массивные колонны придают ему величественный вид. Я подхожу к зданию и вижу тяжелую металлическую дверь. Неожиданно откуда-то сбоку выскакивают два свирепых животных, которые пытаются на меня наброситься. К счастью, они не могут до меня дотянуться, так как их сдерживают цепи, на которых они привязаны. Я понимаю, что не смогу подойти к двери - звери снова набросятся на меня. Тогда я швыряю им пакет с едой, они жадно пожирают его содержимое и тотчас засыпают.

Я приближаюсь к двери. Рассматриваю ее. Я не обнаруживаю замочной скважины и не представляю, как ее можно открыть. Тогда я слегка толкаю ее, и она открывается с каким-то утробным металлическим лязгом. Похоже, ее век не отворяли. Передо мной длинное, слабо освещенное помещение. Что там в глубине - не видно. Слева и справа висят огромные, до пола, картины, почти в человеческий рост. На каждой что-то изображено. На той, что слева от меня - фигура человека, сидящего за столом, на котором разбросаны карты, игральные кости и другие атрибуты азартных развлечений. Мой взгляд приковала к себе странная шляпа на голове игрока. Я пытаюсь потрогать краску на шляпе человека, но не чувствую под пальцами сопротивления холста, и моя рука легко входит в картину. Тогда я втискиваю ногу, а затем и все тело внутрь картины. Игрок поднимает руку и восклицает: "Одну минуточку! Вы не можете войти, пока не заплатите за вход." Я пошарил в карманах, извлек оттуда стеклянный шарик и передал ему. Игрок утвердительно кивнул, и я прошел мимо него.

Теперь я уже нахожусь в луна-парке. Поздний вечер, везде сверкают и искрятся бесчисленные огни аттракционов... Но вокруг никого нет. Неожиданно возле себя я обнаруживаю мальчика лет десяти. Он стоит ко мне спиной. Я придвигаюсь поближе, мальчик оборачивается ко мне лицом, и я вдруг понимаю, что это я сам, когда был ребенком. (*)

Я спрашиваю, что он здесь делает, и он бормочет что-то насчет несправедливости, жертвой которой он стал. Мальчик плачет, а я его утешаю и обещаю ему всяческие развлечения. Он продолжает твердить о несправедливости. Тогда, чтобы понять его, я начинаю вспоминать, какую же несправедливость я пережил в том возрасте. (*)

И вот я вспоминаю и почему-то даже понимаю, что она сродни той, с которой я столкнулся совсем недавно. Я задумываюсь, а мальчик продолжает плакать. (*)

Тогда я говорю: "Ладно, я исправлю эту несправедливость, которую совершили по отношению ко мне. Для этого я стану по-дружески относиться к тем, кто спровоцировали эту ситуацию". (*)

Я вижу, что мальчик смеется. Погладив его по голове, я говорю, что мы встретимся с ним еще раз. Он прощается со мной и уходит очень довольный. Я выхожу из парка и снова оказываюсь возле игрока, который смотрит на меня искоса. В этот момент я касаюсь его шляпы, и он насмешливо подмигивает мне. Я вылезая из картины и опять попадаю в длинный коридор. Медленным шагом я выхожу за дверь. Спокойно прохожу мимо зверей, которые мирно дремлют у входа.

На улице меня встречает сияющий день. Я опять иду полем, напевая и насвистывая. У меня такое чувство, что мне удалось понять то, что очень давно угнетало мою душу. (*)

II. ВРАГ

Я нахожусь в центре города. Деловая жизнь бьет ключом. Туда и сюда снуют люди, мчатся машины. Я тоже куда-то спешу.

Неожиданно все замирает. Только я один продолжаю двигаться. Я начинаю присматриваться к людям. Внимательно разглядываю какую-то женщину, затем мужчину. Обхожу их со всех сторон, изучаю вблизи. Затем карабкаюсь на крышу машины и оттуда оглядываюсь вокруг. Повсюду царит полная тишина. Некоторое время я размышляю и убеждаюсь, что люди, машины и вообще все предметы вокруг находятся в моем полном распоряжении. Я тотчас начинаю делать все, что мне заблагорассудится. Занимаюсь я этим с таким исступлением, что прихожу вскоре в полное изнеможение. Пока я отдыхаю, в голову мне приходят новые идеи. И я снова начинаю заниматься всем, чем мне хочется.

Но кого это я там вижу? Ни больше ни меньше как того человека, с которым я давно хотел свести счеты. По-моему, он причинил мне больше зла, чем кто бы то ни был... Поскольку надо что-то делать, я дотрагиваюсь до своего врага и вижу, что он начинает шевелиться. Он смотрит на меня с ужасом, прекрасно понимая ситуацию, но при этом он словно парализован и совершенно беззащитен. Я начинаю говорить ему все, что думаю, и обещаю в скором времени отыграться за все. Я знаю, что он все слышит, но не может мне ответить, и я принимаюсь напоминать ему все те случаи, когда он доставлял мне неприятности. (*)

Пока я поглощен своим врагом, появляются несколько человек. Они останавливаются перед нами и начинают наступать на моего врага. Он, рыдая, говорит, что раскаивается во всем содеянном. Просит у меня прощения и падает передо мной на колени, а люди продолжают его допрашивать. (*)

Вскоре они заявляют, что такой ужасный человек не имеет права ходить по земле и приговаривают его к смерти. Его собираются линчевать, и он молит о пощаде. Тогда я его прощаю. Все подчиняются моему решению. Люди уходят, вполне удовлетворенные такой развязкой. Мы опять остаемся наедине. Я пользуюсь случаем, чтобы до конца высказать все, что во мне накопилось. Его отчаяние растет, а мне удается говорить и делать все, что я считаю нужным в данный момент. (*)

Небо зловеще темнеет, и на землю мгновенно обрушивается проливной дождь. Пока я пытаюсь укрыться в одном из магазинчиков, город начинает возвращаться к нормальной жизни. Пешеходы бегут по своим делам, машины осторожно лавируют между потоками воды, подгоняемой ураганным ветром. Через окно витрины я вижу вспышки молний и слышу раскатистый гром. За всем этим я наблюдаю ни на что не думая, чувствуя себя расслабленным, как-то опустошенным внутри.

В этот момент появляется мой враг, который тоже ищет укрытие от дождя. Он приближается ко мне и произносит: "Какое счастье, что в такой момент мы рядом!". Он смотрит на меня с робостью. Я добродушно похлопываю его по спине, и он передергивает плечами. (*)

Мысленно я начинаю перебирать его проблемы. Я вижу его трудности, неудачи в жизни, пороки, слабости. (*)

Я разделяю одиночество человека, дрожащего от сырости рядом со мной. Вижу его грязную одежду, его полную безысходность. (*)

Тогда, в порыве великодушия, я говорю, что помогу ему. Он не произносит ни слова, опускает голову и смотрит на свои руки. Я вижу как затуманивается его взгляд. (*)

Дождь кончился. Я выхожу на улицу и жадно вдыхаю посвежевший воздух. Затем я стремительно покидаю это место.

III. САМАЯ БОЛЬШАЯ ОШИБКА

Я стою перед судом. В переполненном зале царит тишина. Со всех сторон меня окружают суровые лица. Напряженное молчание собравшихся прерывается голосом Секретаря, который надевает очки, берет бумагу и торжественно провозглашает: "Суд приговаривает обвиняемого к смертной казни". Зал взрывается криками. Кто-то аплодирует, кто-то свистит. Какая-то женщина падает в обморок. Затем один из служащих требует, чтобы все замолчали.

Секретарь впивается в меня мутным взглядом и вопрошает: "Вы хотите что-нибудь сказать?" Я отвечаю, что да, хочу. Тогда все возвращаются на свои места. Я прошу принести мне стакан воды, в зале происходит какое-то движение, и мне подают стакан. Я подношу его к губам и полощу рот, а затем громко прополаскиваю горло. После чего я произношу: "Вот теперь все!" Кто-то из судей резко спрашивает: "Что значит: "вот теперь все"?". Я отвечаю: "А вот это и значит: теперь все". И чтобы немного успокоить его, я говорю, что здешняя вода очень вкусная - кто бы мог подумать! - и еще несколько любезностей...

Секретарь заканчивает читать бумагу: "...согласно вышесказанному, приговор будет приведен в исполнение сегодня же и без промедления. Обвиняемый будет брошен в пустыне без пищи и воды. Особенно без воды. Я все сказал!" Я подскочил на месте: "Что значит "я все сказал"?". Секретарь, подняв брови подтвердил: "Я сказал, что все сказал".

Спустя некоторое время я уже еду на машине по пустыне в сопровождении двух пожарных. Машина останавливается, и один из них приказывает мне: "Выходите!". И я выхожу. Машина разворачивается и отъезжает. Она становится все меньше и меньше, пока совсем не исчезает за дюнами.

Солнце клонится к закату, но еще жарит всюду. Меня начинает мучить жажда. Я сбрасываю рубашку и обматываю ею голову. Начинаю осматриваться вокруг. Рядом с соседними дюнами обнаруживаю овраг. Я подхожу к одной из дюн и усаживаюсь в узкую полоску тени, отбрасываемой склоном дюны. Ветер поднимает тучу песка, которая застилает солнце. Я вылезаю из своего убежища, так как боюсь, что меня еще, не дай бог, может заживо засыпать. Песчинки царапают мою обнаженную кожу, словно осколки стекла. Ветер набирает силу и валит меня с ног.

Но вот, наконец, песчаная буря улеглась, и солнце зашло. В сумерках передо мной возникает огромное белесое полушарие, похожее на многоэтажное здание. Сначала я подумал, что это мираж, но все же решил подняться и направиться к нему. Подойдя поближе, я увидел, что это конструкция из мягкого материала, напоминающего зеркальный пластик, возможно, она наполнена сжатым воздухом.

Меня встречает человек в одежде бедуина. Мы входим в устланную коврами трубу. Я чувствую, как меня освежает прохладный ветерок. Мы внутри конструкции. Здесь все перевернуто: потолок - это пол, с которого свисают различные предметы - круглые столы, опрокинутые ножками вверх, струи воды изгибаются и снова бьют вертикально вверх, и где-то высоко - фигуры сидящих людей. Увидев мое изумление, бедуин подает мне очки и говорит: "Наденьте их!". Я подчиняюсь, и сразу все встает на свои места. Напротив меня - большой фонтан, из которого бьют тугие столбики воды. Здесь много столов и других предметов, изысканно сочетающихся по цвету и форме.

Ко мне подползает на четвереньках Секретарь. Он говорит, что его страшно укачало. Тогда я ему объясняю, что он видит весь мир наоборот, и ему надо снять очки. Он снимает и, вздыхая, говорит: "Действительно, сейчас все в полном порядке, просто у меня близорукость". Затем он добавляет, что искал меня, чтобы объяснить: я не тот человек, которого надо было судить, просто получилась досадная ошибка. Сказав это, он вышел в боковую дверь.

Я иду вперед и вскоре встречаю группу людей, сидящих кружком на подушках. Это старики и старухи разных национальностей и в самых разнообразных костюмах. У всех у них прекрасные лица. Каждый раз, когда они открывают рот, раздаются звуки, напоминающие то скрип шестеренок, то шум гигантских машин, то тиканье огромных часов. Но я слышу также раскаты грома, треск разрушающихся скал, грохот снежных лавин, ритмический гул вулканов, перестук дождя, глухие удары сердца... И все это гармонично и совершенно, как в самом великолепном оркестре.

Бедуин протягивает мне наушники и говорит: "Наденьте. В них вы услышите перевод". Я надеваю и ясно слышу человеческий голос. Я понимаю, что это симфония одного из стариков, переведенная специально для меня. И когда он открывает рот, я слышу: "...Мы часы, мы минуты, мы секунды... Мы различные формы времени. По отношению к тебе была совершена ошибка, и поэтому мы дадим тебе возможность начать жизнь сначала. В каком месте ты хочешь начать? Может быть, с момента рождения? ...Может, в минуту,

предшествующую поражению? Подумай хорошенько."(*)

Я пытаюсь вспомнить, когда именно я потерял контроль над своей жизнью. И объясняю это старцу.(*)

"Отлично, - говорит он. - Если ты начнешь с этого момента, то что ты сделаешь, чтобы пойти по другому пути? Однако знай, что ты забудешь все, что ты уже пережил. Но есть еще возможность, - добавляет старец. - Ты можешь вернуться к тому моменту, когда совершил самую большую ошибку в своей жизни. Не изменяя событий, ты можешь тем не менее изменить их значения. Так тебе удастся начать новую жизнь."

Когда старец замолкает, я вижу, что цвета вокруг меня начинают меняться, и, как в негативе, черное становится белым, а белое - черным. Проходит некоторое время, и все приобретает свой обычный вид. Но сейчас я нахожусь в том отрезке времени, когда совершил свою самую большую в жизни ошибку.(*)

Вот я стою и готовлюсь ее совершить. А почему, собственно, я это должен сделать?(*)

Может, есть какие-то другие обстоятельства, а я не хочу ничего о них знать? Главная ошибка, чем она вызвана? Что надо сделать, чтобы ее избежать? Если я не совершу этой ошибки, изменится ли схема моей жизни? Станет она лучше или хуже?(*)

Я стараюсь понять, что нельзя изменить существующие обстоятельства, и принимаю это как неизбежное, как землетрясение или наводнение, сметающее жилища людей и их самих.(*)

Я стараюсь себя убедить, что в стихийных бедствиях не существует виновных. В таком случае, нельзя изменить ни мои слабости, ни мои достоинства, ни намерения других людей.(*)

Я знаю, что если сейчас не примирюсь с самим собой, моя будущая жизнь станет сущим адом. Поэтому я от всего сердца прощаю всех и себя самого. Я принимаю то, что произошло, как нечто неподвластное ни мне, ни другим.(*)

Все вокруг меня опять начинает меняться, словно фотография снова превращается в негатив. Я слышу голос, говорящий мне: "Если ты сможешь смириться со своей самой большой ошибкой, ты избавишься от разочарований и тебе удастся изменить свою судьбу."

Я стою посреди пустыни. Вижу, как ко мне приближается машина. Я кричу: "Такси!". Вскоре я уже сижу, удобно устроившись на заднем сидении. Смотрю на водителя в одежде пожарника и говорю ему: "Отвезите меня домой... Не гоните так, я еще должен переодеться". В моей голове стучит мысль: "У кого из нас в жизни не произошло какого-нибудь несчастного случая?"

IV. НОСТАЛЬГИЯ

Разноцветные огни вспыхивают в такт музыке. Рядом со мной - моя большая любовь. Мы медленно движемся под музыку, и каждая вспышка света выхватывает из полутьмы какую-то деталь ее лица или тела.
(*)

Что погубило нашу любовь? Может быть, деньги?(*)

Может быть, другие связи?(*)

Может быть, несовпадение стремлений?(*)

А может быть, судьба или нечто, что нам тогда не дано было понять?(*)

Я медленно танцую. Но уже с другим человеком, которого когда-то очень любил. Каждая вспышка света выхватывает какую-то деталь его лица или тела.(*)

Что погубило нашу любовь? Может быть деньги?(*)

Может быть, другие связи?(*)

Может быть, несовпадение стремлений?(*)

А может, судьба или нечто, что нам тогда не дано было понять?(*)

Я прощаю тебя и прощаю самого себя, потому что, если мир вокруг танцует, и мы тоже танцуем, что можно сделать с теми страстными обещаниями, подобными бабочкам-хамелеонам?

Я хочу сохранить в себе все то доброе и прекрасное, что у нас было с тобой вчера.(*)

И с тобой.(*)

И со всеми, кто когда-то ослеплял меня.(*)

Ах да! Грусть, подозрение, одиночество, глубокая тоска и боль уязвленного самолюбия - всего лишь предлог. Как все это ничтожно по сравнению с нежным взглядом! Потому что все великие несчастья, которые я припоминаю - это ошибки танца, а не сам танец.

Я благодарю тебя за легкую улыбку.

Я благодарю тебя за твой ласковый шепот.

И всех остальных я благодарю за обещание вечной любви.

Я нахожусь в полном согласии с днем вчерашним, который и сегодня со мной. Мое сердце открыто для воспоминаний обо всех прекрасных минутах моей жизни.(*)

V. ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА

Проходя по огромной площадке, предназначенной для промышленных выставок, я вижу всевозможные машины и сооружения. Здесь много детей. В их распоряжении множество современных технических игр.

Я подхожу к великану, сделанному из плотного материала. Он стоит во весь рост. У него огромная голова, расписанная яркими красками. Большая лестница ведет прямо к его рту... Малыши карабкаются по этой лестнице, входят в отверстие между губами, которые мягко закрываются. Через некоторое время ребенок появляется из заднего прохода великана и, скользя по деревянной горке, скатывается вниз, в песок. Один за другим дети входят и выходят под звуки музыки, льющейся из великана:

“Гаргантюа заглатывает детей. Очень осторожно, чтобы не причинить им вреда. А-ха-ха, а-ха-ха! Очень осторожно, чтобы не причинить им вреда.”

Я тоже решил подняться по лестнице. Войдя в огромный рот, я встретил человека, который сказал мне: "Дети спускаются по горке, а взрослые - на лифте".

Человек продолжает объяснения, пока мы спускаемся по прозрачной трубе. В какой-то момент я говорю, что мы должны уже находиться на уровне земли. Он возражает, что мы еще пока только проходим через пищевод, поскольку остальная часть тела находится под землей, а детский великан полностью стоит на поверхности. "Вот именно, в одном Гаргантюа помещается целых два, - сообщает он мне. - Один - для детей, другой - для взрослых. Мы сейчас уже глубоко под землей... Мы проехали диафрагму и скоро приблизимся к одному замечательному месту. Вот смотрите, сейчас откроется дверца лифта и появится желудок... Хотите выйти здесь? Как видите, это современный ресторан, в котором можно отведать блюда самых разных стран.

Я говорю сопровождающему, что мне очень интересно посмотреть остальные части тела. "Тогда, - говорит он, - продолжим спуск."

"А сейчас мы в нижней части живота, - объясняет мой собеседник, открывая дверь. Эта часть помещения очень оригинально декорирована. В изменяющих свой цвет стенах сделаны изысканно обитые ниши. Посередине салона находится центральный огонь, который питает энергией великана. Для удобства посетителей оборудованы уютные сиденья. Колонны, расположенные в разных местах, позволяют играть в прятки... Человек может появляться и исчезать за ними. Это особенно интересно, когда собирается несколько посетителей. Если хотите, оставайтесь здесь. Как только вы подойдете ко входу в лифт, дверца откроется, и вы сможете вернуться назад. Здесь все автоматизировано, не правда ли, здорово?"

Дверь закрывается, и я остаюсь в помещении один.

Мне кажется, что я опустился в морские глубины. Через меня проплывает большая рыба, и я понимаю, что кораллы, водоросли и всякие живые существа - это трехмерные проекции, создающие невероятный эффект реальности. Я сажусь и не спеша наблюдаю расслабляющий спектакль.

Неожиданно я вижу, как из центрального огня выходит человеческая фигура. Лицо ее закрыто. Она медленно приближается ко мне. Остановившись в двух шагах от меня, человек говорит: "Добрый день. Я - голография. Мужчины пытаются найти во мне идеальную женщину, а женщины - идеального мужчину. Я запрограммирована таким образом, что могу принять тот облик, который вы ищете. Но знаете ли вы, какой он? Я ничего не смогу сделать, если с вашей стороны не будет хоть малейшего усилия. Но если вы сделаете такую попытку, то волны вашей энцефалограммы будут расшифрованы, усилены, переданы и снова зашифрованы в центральном компьютере, который, в свою очередь, произведет все необходимые операции по воссозданию требуемого образа".

- Что же я должен делать? - спрашиваю я.

- Я вам рекомендую, - объясняет она, - действовать следующим образом. Подумайте, какие общие черты были свойственны тем людям, к которым вы питали нежные чувства. Речь идет не только о лице или фигуре, но также и о характере. Например: они вас опекали или наоборот, вызывали в вас желание опекать их?(*)

- Они были храбрыми, робкими, властолюбивыми, лживыми, мечтательными? А может быть, жестокими? (*)

И далее, объединяло ли их что-то одинаково неприятное, отрицательное, достойное порицания?(*)

Каковы их положительные черты?(*)

Было ли что-то общее в том, как завязывались ваши отношения?(*)

В чем были сходны конечные результаты?(*)

Постарайтесь вспомнить, с какими людьми вы хотели завязать отношения, но не смогли? Почему?(*)

А сейчас, внимание! Я начну приобретать формы, которые вы хотите увидеть. Называйте их, а я все в точности воспроизведу. Я готова, так что начинайте думать. Как я должна ходить? Как должна быть одета? Что именно делать? Как говорить? Где мы находимся и чем занимаемся?(*)

Смотри на мое лицо, такое, как оно есть!(*)

Смотри в глубину моих глаз, я уже не проекция, я воплощаюсь в нечто реальное... смотри мне прямо в глаза и ласково говори, что ты в них видишь?(*)

Я встаю и хочу коснуться фигуры, но она уклоняется и исчезает за колонной. Когда я подхожу к колонне, я понимаю, что она испарилась. Но на своем плече я чувствую слабое прикосновение руки и слышу голос: "Не оборачивайся. Достаточно того, что мы близко друг от друга: это облегчит поиски."

Голос замолкает, и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, кто же стоит рядом со мной, но вижу только ускользающую тень. В тот же момент главный огонь вспыхивает с огромной силой и громко гудит; он ослепляет меня.

Я понимаю, что вся сцена и проекция создали подходящие условия для возникновения идеального образа. Того, который живет во мне. Я коснулся его, но из-за моего непонятного нетерпения, он ускользает из моих рук. Я знаю, что он был рядом со мной, и этого мне достаточно. Я уверен, что центральный компьютер не мог создать осязаемого образа, чье прикосновение я почувствовал на своем плече...

Я подхожу ко входу в лифт. Дверца распаивается, и тогда я слышу детское пение: "Таргантюа проглатывает взрослых. Очень осторожно, чтобы не нанести им вреда. А-ха-ха, а-ха-ха! Очень осторожно, чтобы не нанести им вреда".

VI. ОБИДА

Поздний вечер. Я нахожусь в старинном городе, пересеченном многочисленными каналами, воды которых текут под уличными мостами. Облокотившись о перила, я наблюдаю, как внизу, подо мною, медленно движется мутная жидкая масса. Несмотря на туман, на соседнем мосту я вижу группу людей. Тихо звучит музыка, сопровождающая фальшивые голоса. На меня наплывают волны колокольного звона и окутывают глубокой тоской.

Люди расходятся, колокола умолкают.

Боковая улочка слабо освещена зловещими фосфоресцирующими огнями.

Я отправляюсь в путь, погружаясь в туман. Побродив по улицам и пройдя через ряд мостов, я выхожу на широкий простор. Это квадратная и, кажется, пустынная площадь. Булыжная мостовая приводит меня к спокойно стоящей воде.

На воде меня ожидает лодка, похожая на карету. Но чтобы в нее попасть, мне надо пройти между двумя длинными рядами женщин. Пока я иду, женщины, одетые в черные туники, с факелами в руках, громко декламируют: "О, Смерть! Твоя неограниченная власть настагает живущих повсюду. От тебя зависит отпущенное нам время жизни. Твой вечный сон уносит толпы людей. Ибо никто еще не избежал твоих железных объятий. Только ты можешь сказать слово прощения. И нет такой силы, способной устоять перед тобой, мольбами не заставить тебя изменить приговор".

Лодочник помогает мне войти в лодку и остается стоять за моей спиной. Я устраиваюсь поудобнее на широком сидении. Я замечаю, что мы скользим над поверхностью воды. Мы плывем над неподвижным безбрежным морем. Оно похоже на огромное зеркало, в котором видно отражения Луны.

Мы подъехали к острову. Ночной свет позволяет различить длинную дорожку, обрамленную кипарисами. Лодка останавливается, слегка покачиваясь на воде. Я выхожу, лодочник с бесстрастным лицом остается на своем месте.

Я направляюсь вперед по дорожке, деревья вокруг меня стонут от ветра. Чувствую, что за мной кто-то следит. Мне кажется, что кто-то прячется впереди. Я останавливаюсь. Какая-то тень манит меня, выходя из-за дерева. Я приближаюсь и чувствую на своем лице тяжелый вздох и дыхание смерти: "Помоги мне! Я знаю, ты пришел освободить меня из плена. Только ты можешь мне помочь... Помоги!"

Тень объясняет мне, что она принадлежит человеку, на которого я глубоко обижен.(*)

И, как бы угадывая мои мысли, добавляет: "Не имеет значения, жив или умер тот человек, на которого ты затаил ужасную обиду: для темных воспоминаний нет границ."

Затем голос продолжал: "Не имеет также значения, поселились ли в твоём сердце чувство ненависти или жажда мести в далеком детстве или только вчера. Время наше неподвижно и, поэтому, мы выжидаем удобный случай и появляемся в облинии страхов. И они - наша месть за тот яд, который мы должны постоянно принимать".

Пока я спрашиваю, что мне надо делать, лунный свет слабо освещает голову, покрытую накидкой. Затем передо мной предстает вся фигура человека, и я ясно вижу его лицо и узнаю в нем того, кто смертельно ранил когда-то мое сердце.(*)

Я выкладываю ему наболевшее, о чем никогда не стал бы говорить ни с кем на свете; я говорю с самой беспощадной откровенностью, на которую только способен.(*)

Он просит меня еще раз обдумать случившееся и подробно объяснить ему все без утайки, не стесняясь в выражениях. Он настаивает на том, что я не должен скрывать даже самых мелких обид, потому что иначе он навсегда останется здесь, в плену. И я начинаю действовать, следуя его указаниям.(*)

Он тотчас показывает мне тяжелую цепь, которой он прикован к кипарису. Я, не колеблясь, рывком разбиваю цепь. Накидка тут же падает и расстилается по земле, силуэт растворяется в воздухе, и голос, удаляясь и слабея, произносит уже знакомые мне слова: "Прощай, прощай! Уже светляк предвещает утро, и гасит свой ненужный огонек. Прощай, прощай! И помни обо мне!"

Понимая, что уже начинает заниматься заря, я поворачиваюсь, чтобы вернуться в лодку, но перед этим поднимаю накидку у моих ног. Я перекидываю ее через плечо и ускоряю шаг. Пока я иду к берегу, многочисленные мимолетные тени спрашивают, вернусь ли я, чтобы простить другие обиды.

Уже у самого берега я встречаю группу женщин в белых туниках с факелами в руках. Подойдя к лодке, я отдаю накидку лодочнику, а он, в свою очередь, передает ее женщинам. Одна из них поджигает ткань. Та горит и мгновенно исчезает, не оставив даже пепла. В тот же момент я чувствую огромное облегчение, словно я искренне простил тягчайшее оскорбление.(*)

Я сажусь в лодку, которая уже похожа не на карету, а на современную спортивную яхту. Пока мы отдаляемся от берега, я слышу хор женских голосов: “В твоей власти разбудить впавшего в летаргический сон, соединив сердце с разумом, вызволяя ум из пустоты, отдаляя мрак от внутреннего взгляда и забвения. О, приди, благословенная сила, приди, истинная память, выводящая жизнь на прямую смысла”.

Лодка рванула вперед в тот момент, когда над морем начало подниматься солнце. Я смотрю на юного моряка с мужественным открытым лицом, который, улыбаясь, ведет лодку вперед.

Сейчас мы идем на большой скорости, вокруг нас пенится голубая волна. Лучи солнца заливают золотым светом величественные купола города, и над нами летят стаи белоснежных голубей.

VII. ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ЖИЗНИ

Я плыву по озеру. Температура воды кажется мне необыкновенно приятной. Я смотрю на воду, она так кристально-прозрачна, что мне хорошо видно дно.

Небо сверкает яркой синевой. Неподалеку виднеется пляж с мельчайшим, почти белым песком. Здесь образовалась тихая заводь, куда не доходят морские волны.

Мое тело свободно колыхается на поверхности воды, я чувствую, как все больше расслабляюсь, и мною овладевает восхитительное ощущение блаженства.

Затем я меняю положение, переворачиваюсь на живот, плыву по направлению к пляжу и медленно выхожу на берег.

Вокруг расстилается тропический пейзаж. На берегу растут кокосовые пальмы, мою кожу ласкает морской бриз и теплые лучи солнца.

Неожиданно я обнаруживаю справа от себя небольшой грот, а рядом с ним извивающийся змейкой прозрачный ручеек. Я приближаюсь и вижу в гроте фигуру женщины. Ее голову украшает веночек из цветов. У нее прелестные глаза, но мне трудно определить ее возраст. В лице женщины, излучающем доброжелательность и понимание, я читаю мудрость. Я разглядываю ее в полнейшей тишине.

"Я - покровительница жизни", - говорит мне женщина. Я робко отвечаю, что не вполне понимаю значение ее слов. Тут я вижу олененка, который нежно лижет ей руку. Женщина приглашает меня зайти в грот и жестом показывает, чтобы я сел на песок напротив гладкой каменной стены. Сейчас я не вижу ее, но слышу, как она мне говорит: "Вдохни глубоко и скажи, что ты видишь". Я медленно делаю глубокий вдох, и на стене появляется четкое изображение моря. Я вдыхаю, и волны набегают на пляж, выдыхаю, и они откатываются назад.

Она говорит мне: "Твое тело - это ритм и красота. Ты столько раз отказывался от своего тела, не понимая, что оно - великолепный инструмент, с помощью которого ты можешь выразить себя в этом мире." В тот же момент на каменной стене возникают различные сцены из моей жизни, где явственно видно, как я испытываю чувство стыда, страха и ужаса, взирая на свое тело. Сцены сменяют одна другую. (*)

Я чувствую неловкость от того, что она тоже это видит, но тотчас успокаиваюсь. Затем она добавляет: "Даже в болезни и старости твое тело до последнего момента будет сопровождать тебя, как верный пес. Не отвергай его, когда оно не сможет выполнять твои желания. А пока что укрепляй его и делай его здоровым. Заботься о нем, чтобы оно тебе хорошо служило, и при этом руководствуйся только советами мудрецов. Я, прожившая многие века, прекрасно знаю, что сама идея красоты изменчива. Если ты не будешь обращаться со своим телом как с самым лучшим другом, оно опечалится и заболит. Вот почему ты должен полностью его принять. Твое тело - инструмент, который тебе дан, чтобы ты мог выразить себя в этом мире... А сейчас я хочу, чтобы ты увидел, какая часть твоего тела самая слабая и больная". И тотчас появляется изображение этой зоны моего тела. (*)

Тогда она прижимает руку к этому месту, и я чувствую живительное тепло. Я ощущаю, как распространяются волны энергии, и понимаю, что с удовлетворением принимаю свое тело таким, как оно есть. (*)

"Береги свое тело, руководствуясь только советами мудрецов, и не терзай его недугами, которые существуют лишь в твоём воображении. А теперь иди и пребывай в мире и согласии с самим собой."

Умиротворенный и бодрый, я выхожу из грота, пью прозрачную воду из ручья, и с ней вливаются в меня новые силы.

Солнце и ветерок лобзают мое тело. Я направляюсь к озеру, ступая по мягкому белому песку, и уже на берегу вижу, как мелькнул вдали силуэт покровительницы жизни, и вновь отразился в прозрачной глубине озера.

Я вхожу в воду и мысленно благодарю чудесный инструмент, который даровала мне природа. (*)

VIII. СПАСИТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мы мчимся с головокружительной быстротой по широкому шоссе. За рулем сидит человек, которого я раньше никогда не видел. На заднем сидении расположились две женщины и мужчина, которые мне тоже незнакомы. Мимо нас несутся машины, не соблюдая правил движения, будто их ведут пьяные или безумные люди. Я не могу понять, то ли рассветает, то ли наступает ночь.

Я спрашиваю своего спутника, что происходит. Он бросает на меня быстрый взгляд и отвечает на непонятном языке: "Rex voluntas!" Я включаю радио и слышу громкие щелчки и шумовые помехи. Тем не менее мне удается различить слабый металлический голос, который монотонно повторяет: "...rex voluntas... rex voluntas... rex voluntas..."

Движение машин замедляется, и я вижу на обочине дороги множество опрокинутых автомобилей, охваченных пламенем. Как только машина останавливается, мы выскакиваем из нее и бежим к полю вместе с обезумевшей толпой, сметающей все на своем пути.

Я оборачиваюсь назад: в дыму и пламени я вижу несчастных, попавших в смертельную ловушку. Но я не могу остановиться, человеческий поток увлекает меня за собой. В этом море безумия я безуспешно пытаюсь пробраться к женщине, которая прикрывает собой ребенка от бегущих людей. Многие из них падают на землю, другие топчут их ногами.

Паника и беспорядок нарастают, и я решаюсь передвигаться по диагонали, что позволяет мне отделиться от остальных. Я направляюсь к самой верхней точке, и это вынуждает обезумевших людей замедлить бег. Многие, теряя силы, хватаются за мою одежду, которая тут же превращается в лохмотья. Но я замечаю, что толпа потихоньку редет.

Мне удастся вырваться из их рук, и теперь, едва дыша, я продолжаю подниматься вверх. Остановившись на мгновение, я вижу, что толпа движется в противоположном направлении. Наверное люди решили, что внизу они скорее спасутся. Я с ужасом обнаруживаю, что впереди их ждет огромная пропасть. Я кричу изо всех сил, чтобы предупредить о неминуемой катастрофе хотя бы тех, кто находится ближе ко мне. Тогда один из мужчин отделяется от остальных и бегом направляется ко мне. Одежда на нем разорвана, и весь он изранен. Я счастлив, что он сейчас вне опасности. Подойдя ко мне, он хватается за руку и, причитая, показывает пальцем вниз. Я не понимаю его языка, но догадываюсь, что он просит кому-то помочь. Я говорю ему, чтобы он немножко подождал, потому что сейчас это невозможно... Вижу, что он меня не понимает. Его отчаяние меня очень расстраивает, разрывает мне сердце. Тогда он поворачивается, чтобы пойти обратно, но я толкаю его, и он падает навзничь. Лежа на земле, он горестно стонет. Со своей стороны, я понимаю, что спас ему жизнь и освободил от будущих угрызений совести, потому что он тоже хотел кого-то спасти, но я ему помешал.

Я поднимаюсь еще выше и останавливаюсь перед вспаханным полем. На рыхлой земле видны совсем свежие борозды. Издалека доносятся ружейные выстрелы и, кажется, я понимаю, что происходит. Я поспешно удаляюсь от этого места. Вскоре я останавливаюсь. Вокруг царит тишина. Я смотрю в сторону города и вижу зловещее зарево.

Вдруг земля у меня под ногами начинает колебаться, и из глубин доносится нарастающий гул, который возвещает о скором землетрясении. Я теряю равновесие и падаю. Я лежу на земле, сжавшись и глядя в небо; у меня кружится голова.

Земля перестает дрожать, и на небе появляется огромная кровавая луна.

Становится нестерпимо жарко. Я вдыхаю раскаленный и разъедающий горло воздух. Я по-прежнему не понимаю, то ли светает, то ли наступает ночь...

Когда я, наконец, сажусь снова, слышится подземный гул. Вскоре сотни самолетов, похожих на смертоносных насекомых, застилают небо. Они пролетают мимо и скрываются вдаль, устремленные навстречу неизвестной судьбе.

Возле меня появляется огромная собака и воет на луну, совсем как волк. Я окликаю ее. Та робко приближается, ложится возле меня. Я ласково глажу ее вздыбившуюся шерсть и чувствую, как она вся дрожит. Собака встает и покидает меня. Я тоже встаю на ноги и иду за ней. Мы проходим по каменистой дороге и останавливаемся перед небольшой речушкой. Собака, мучимая жаждой, бросается к воде и начинает жадно лакать, но тотчас отступает и падает на землю. Я приближаюсь, трогаю ее и убеждаюсь, что она мертва.

Новый толчок, и я еле удерживаюсь на ногах, но все успокаивается. Я оглядываюсь вокруг и вижу, что на небе, вдали, появляются четыре тучи, которые приближаются с глухим гулом. Первая туча - белая, вторая - красная, третья - воронья и четвертая - желтая. Они похожи на четырех вооруженных всадников, скачущих верхом на буре и объезжающих небо, уничтожая жизнь на Земле.

Я бросаюсь бежать, чтобы тучи не настигли меня. Мне ясно, что если я попаду под дождь, то подвергнусь облучению. Поэтому я уже лечу во весь дух, но вдруг дорогу мне преграждает колоссальная фигура. Великан угрожающе машет огненным мечом. Я кричу ему, что очень спешу, так как приближаются радиоактивные тучи. Он отвечает, что он всего лишь робот, поставленный здесь, чтобы не дать пройти разрушительным силам. Он добавляет, что вооружен смертоносными лучами и предупреждает, чтобы я не приближался. Я вижу, что великан четко разделяет два пространства: то, в котором нахожусь я, мертвенное и каменистое, и другое, наполненное яркой растительностью и жизнью.

Тогда я кричу ему: "Ты должен меня пропустить, потому что я совершил добрый поступок!"

- А что это за добрый поступок? - спрашивает робот.

- Это спасительное действие, которое сохранило жизнь.

- Так что же за действие ты совершил? - вопрошает он.

- Я спас человека от неминуемой смерти, кроме того, я освободил его от мук совести.

Великан тотчас отступает в сторону, и я прыгаю в благословенное пространство в тот момент, когда начинают падать первые капли дождя.

Преодо мною ферма. Рядом с ней - небольшой крестьянский домик, его окна светятся мягким желтым светом. И только сейчас я замечаю, что начинается день.

Я подхожу к домику, и человек с простым, добрым лицом приглашает меня войти. Многочисленная семья крестьянина готовится к рабочему дню. Меня сажают за стол, на котором уже приготовлена скромная и сытная пища. Я пью чистую, словно из родника, воду. Вокруг меня резвятся дети.

- На этот раз, - говорит мне хозяин дома, - вам повезло. Но в следующий раз, когда вы снова должны будете перейти границу смерти, какое спасительное действие вы предъявите?

Я прошу его пояснить свою мысль, потому что его слова показались мне несколько странными. Он объясняет мне: "Попробуйте вспомнить, что мы называем "спасительными действиями" (чтобы как-то их обозначить), которые мы совершаем в жизни. Естественно, я не имею ввиду те поступки, которые люди совершают в надежде на вознаграждение. Вспомните только те случаи, когда вы почувствовали, что вы действуете ради других, а не ради себя. Я даю вам три минуты, дружище, чтобы вы прокрутили перед собой свою жизнь и убедили какое в ней внутреннее убожество. И последний совет: если у вас есть дети или близкие, не путайте того, что вы хотите для них с тем, что для них лучше." И сказав все это, он выходит из дома со всей своей семьей. Я остаюсь в одиночестве, размышляя над его словами.(*)

Вскоре крестьянин возвращается и говорит мне: "Я вижу, что внутренне вы опустошены, а если это не так, то, значит, вы пребываете в смятении. То есть, в любом случае, вы опустошены. Разрешите дать вам совет и прислушайтесь к нему, потому что это единственное, что вам пригодится в будущем. Начиная с этого момента, вы каждый день должны наполнять чем-то свою жизнь."

Мы прощаемся, и я слышу, как издали он продолжает мне кричать: "Расскажите людям то, что вы узнали!"

Я удаляюсь от фермы и направляюсь в город.

Сегодня я понял следующее: когда человек думает только о своих личных интересах и проблемах, он несет в душе смерть, и все, к чему он прикасается, умирает вместе с ним.

IX. НАПРАСНЫЕ НАДЕЖДЫ

Я пришел к месту, которое мне рекомендовали. Стою перед домом врача. Над входом маленькая табличка возвещает: "Оставь надежду всяк сюда входящий".

Я звоню, дверь открывается, и медсестра приглашает меня войти. Она указывает мне на стул, и я сажусь, сама она тоже садится за столик напротив меня. Затем берет лист бумаги, вставляет его в пишущую машинку и спрашивает: "Ваши фамилия и имя?" Я отвечаю. "Возраст?... Профессия?... Семейное положение?... Группа крови?". Женщина продолжает заполнять медицинскую карту со всеми моими данными.

Я должен дать полную информацию о своих болезнях. (*)

Мне приходится вспомнить все, что случилось со мной с самого детства. (*)

Пристально глядя на меня, она медленно произносит: "Имели ли вы судимости?" Я ей отвечаю, но при этом испытываю некоторое беспокойство. Когда она спрашивает: "Какие надежды вы питаете?", я отступаю от традиционной формы ответов и прошу пояснить вопрос. С невозмутимым видом и глядя на меня как на ничтожное насекомое, она замечает: "Надежды - это надежды! Так что выкладывайте, и побыстрее! Я спешу, меня ждет мой жених." Я встаю со стула и рывком выдергиваю лист из машинки. Затем рву бумагу на куски и швыряю в корзину. Поворачиваюсь и направляюсь к выходу, но вижу, что не могу открыть дверь. Преодолевая неловкость, я кричу медсестре, чтобы она открыла. Ответа нет. Я оборачиваюсь и вижу, что комната пуста...

Быстрыми шагами я подхожу к другой двери, соображая, что там должен находиться кабинет врача. Я говорю себе, что сейчас я его увижу и предъявлю свои претензии. Наверное, дамочка исчезла через ту дверь. Я открываю ее и сразу натываюсь на глухую стену. "Прелестная мысль - за дверью воздвигнуть стену!" - думаю я... Тогда я бегу назад, к первой двери: на сей раз она открывается, но я опять натываюсь на стену, которая преграждает мне путь.

В громкоговорителе раздается голос мужчины: "Каковы ваши надежды?" Придя в себя, я раздраженно отвечаю доктору, что мы с ним, слава богу, совершеннолетние и что, естественно, моя главная надежда - выйти из этой абсурдной ситуации. Он говорит: "Табличка над входом гласит, что входящий должен оставить все надежды". У меня такое впечатление, что все происходящее - отвратительная шутка, и я усаживаюсь на стул в ожидании, чем же это кончится.

- "Начнем сначала, - говорит голос. - Вы, конечно, помните, что в детстве у вас было много надежд. Со временем вы убедились, что они никогда не исполняются. Напрягите память и поймете, что вам пришлось отказаться от своих замечательных прожектов." (*)

"Позднее, - продолжает голос, - у вас появились новые желания, и вам пришлось смириться с тем, что они тоже неисполнимы, припомните..." (*)

"Наконец, в настоящее время у вас тоже есть кое-какие надежды. Я не имею ввиду надежду выйти отсюда, поскольку это был всего лишь трюк, и вы будете свободны. Я говорю о другом. Я говорю о ваших надеждах на будущее." (*)

"Вы втайне знаете, что какие-то надежды никогда не сбудутся. Какие именно? Ну-ка, подумайте как следует." (*)

"Мы не можем жить без надежд. Но когда мы понимаем, что они несбыточны, мы не можем хранить их в себе до бесконечности, поскольку рано или поздно нам не избежать горечи поражения. Если бы вы могли заглянуть себе в душу и увидеть, что в ней поселились надежды, которым никогда не суждено исполниться, и если, кроме того, вы решились бы расстаться с ними навсегда, то тогда в вас победило бы чувство реальности. Так что, давайте снова поработаем над этой проблемой... Поищите самые потаенные надежды, те, что, на ваш взгляд, никогда не осуществляются. Будьте осторожны, не ошибитесь! Есть надежды вполне реальные, их вы не трогайте. Возьмите только те, несбыточные. Давайте, ищите тщательно, даже если для вас это будет нелегко." (*)

"Выйдя из этой комнаты, постарайтесь оставить их здесь навсегда." (*)

"А сейчас закончим нашу работу. Задумайтесь о других ваших надеждах, которые вы считаете реально выполнимыми. Я вам помогу. Ориентируйте свою жизнь только на то, что выполнимо, или на то, что вы действительно считаете реальным. И не важно, если потом у вас ничего не получится, потому что в конечном счете вы задали направление своим действиям." (*)

“В общем, мы закончили. Сейчас вы можете выйти через дверь, в которую вошли. И пожалуйста, побыстрее, меня ждет моя секретарша.”

Я встаю, делаю несколько шагов, открываю дверь и выхожу. На табличке над входом читаю: "Оставь напрасные надежды, всяк отсюда выходящий".

Х. ПОВТОРЕНИЕ

Глубокая ночь. Я шагаю по слабо освещенному месту. Это узкий переулочек. Вокруг ни души. Далекий и слабый свет едва проникает сквозь туман. Мои шаги отдаются зловещим эхом. Я иду быстрее, чтобы поскорей добраться до ближайшего фонаря.

Когда я приближаюсь, в двух-трех метрах от меня появляется человеческий силуэт. Это старушка с полу прикрытым лицом. Прерывающимся голосом она спрашивает меня, который час. Я смотрю на часы и отвечаю: "Сейчас три утра".

Я быстро отхожу от нее, снова погружаюсь в туман и темноту. Мне хочется поскорее добраться до ближайшего фонаря, который я вижу неподалеку.

Но и там меня уже поджидает женщина. Я смотрю на часы, которые показывают половину третьего. Бегу к следующему фонарю, и на ходу оборачиваюсь назад. Я действительно отдаляюсь от силуэта, который неподвижно стоит на прежнем месте. Запыхавшись, добегаю до следующего фонаря и снова различаю поджидающую меня фигуру. Смотрю на часы, сейчас два часа.

Теряя голову, я мчусь, не останавливаясь, мимо фонарей и старух, пока, вконец измотавшись, не останавливаюсь посередине пути. Я смотрю на часы и вижу на циферблате лицо женщины. Я понимаю, что пришел конец...

Тем не менее я пытаюсь понять, что происходит и задаю себе один и тот же вопрос: "От чего я бегу?... От чего я бегу?". Прерывающийся голос отвечает мне: "Я впереди и позади тебя. Что было, то будет. Но тебе повезло, потому что ты смог остановиться и на минуту задуматься. Если ты с этим справишься, то выберешься из собственной ловушки."(*)

Я обескуражен и чувствую себя безмерно усталым. Однако я думаю, что выход есть. Что-то заставляет меня вспомнить неудачи, которые были в моей жизни. И тут же в памяти всплывают первые неудачи, пережитые в далеком детстве.(*)

Затем неудачи, постигшие меня в юности.(*)

И самые недавние мои неудачи.(*)

Я теперь понимаю, что в будущем они станут повторяться, одна неудача за другой.(*)

Во всех моих бедах было что-то схожее, потому что все, что я хотел сделать, было беспорядочным. То были смутные желания, которые приходили в противоречие друг с другом.(*)

Именно сейчас я обнаруживаю, что многое из того, чего мне хочется достичь в будущем, весьма противоречиво.(*)

Я не знаю, что делать со своей жизнью, однако смутно желаю многих вещей. Да, я боюсь завтрашнего дня и не хотел бы повторения предыдущих неудач. Моя жизнь застыла, словно парализованная, в этом туманном переулочке под мертвящим светом фонарей.

Неожиданно в одном из окон зажигается свет и чей-то голос кричит: "Вам что-то надо?"

- Да, - отвечаю я. - Мне надо отсюда выбраться.

- Вот уж нет!... Одному отсюда выбраться нельзя.

- Тогда подскажите, что я должен делать.

- Не могу. Кроме того, если мы будем так кричать, то перебудим всех соседей. Сон соседей - святое дело. Спокойной ночи!

Гаснет свет, во мне нарастает страстное желание выбраться отсюда. Я понимаю, что моя жизнь изменится лишь в том случае, если я найду выход. Похоже, что в этом переулочке только одностороннее движение, но это всего лишь повторение, от рождения до смерти. Фальшивое движение. От фонаря к фонарю, и так до тех пор, пока силы не покинут меня навсегда.

Слева от себя я замечаю указатель с буквами и стрелками. Стрелка на переулочке обозначает его название: "Повторение жизни". Другая стрелка указывает: "Разрушение жизни", а третья: "Построение жизни". Я на минуту задумываюсь.(*)

Выбираю направление, указанное третьей стрелкой. Я выбираюсь из переулочка и попадаю на широкую, ярко освещенную улицу, и у меня такое чувство, что я вот-вот открою для себя что-то очень важное.

XI. ПУТЕШЕСТВИЕ

Я поднимаюсь вверх по гористой местности. Останавливаюсь на минуту и смотрю назад. Вдали я вижу ленту реки и некое подобие леса. Еще дальше - бурая пустыня, на которую опускается вечерняя мгла. Я делаю еще несколько шагов и тропинка, постепенно сужаясь, пропадает совсем. Я знаю, что осталось преодолеть самую трудную часть пути до плато. Снег почти не мешает мне идти, так что я могу продолжать восхождение.

Передо мной встает каменная стена. Я внимательно ее осматриваю и вижу трещину в скале, по которой можно карабкаться. Я поднимаюсь, упираясь ботинками в выступы. Прижимаюсь спиной к краю трещины, а локтем и другой рукой делаю рычаг. Поднимаюсь. Трещина сузилась. Я смотрю вверх и вниз. Сейчас мое тело находится где-то на середине пути. Я понимаю, что не могу двигаться ни в одном из направлений. Меняю положение и прижимаюсь лбом к скользкой поверхности. Упираюсь ногами и очень медленно вытягиваю руку вверх. Чувствую на лице влажное дыхание камня. Вожу рукой по скале в поисках хоть незначительной трещины. Мягко вытягиваю другую руку. Ощущаю, что теряю равновесие. Моя голова медленно отделяется от камня. Затем все тело. Сейчас я полечу вниз головой... Но внезапно нахожу маленькую выемку и цепляюсь за нее пальцами. Наконец-то чувствую себя уверенно и без особых усилий поднимаюсь к финишу.

Наконец-то я наверху. Я распрямляюсь и передо мной предстает бескрайний простор лугов. Делаю несколько шагов, затем поворачиваюсь. Там, где бездна, царит уже ночь, а там, где равнина, последние лучи солнца рассыпаются многоцветьем огоньков. Я сравниваю оба пейзажа, и в это время раздается резкий звук. Взглянув вверх, я вижу блестящий диск, который, описав круги над моей головой, начинает опускаться.

Он приземлился совсем рядом. Повинуясь внутреннему голосу, я без колебаний направляюсь к диску. Вхожу внутрь с ощущением, что прошел через завесу теплого воздуха. Тотчас чувствую, что тело мое стало легче. Я нахожусь внутри прозрачного воздушного пузыря с плоским основанием.

Словно выпущенные из рогатки, мы резко взмываем вверх. По-моему, мы летим в направлении Бета-Гидрис, а может быть NGC 3621 (?).

Мельком я вижу, как ночь опускается на равнину. Мы поднимаемся еще быстрее, в то время как небо темнеет, а Земля стремительно удаляется. Я чувствую, что скорость увеличивается. Прозрачные звезды изменяют цвет и вскоре исчезают в полной темноте.

Впереди меня горит единственный золотой огонек, он становится все больше и больше. Мы движемся ему навстречу. Я начинаю различать огромный обруч, который переходит в длинный прозрачный коридор. Неожиданно мы останавливаемся. Мы опустились в каком-то открытом месте. Через завесу теплого воздуха я выхожу наружу.

Меня окружают прозрачные стены, и когда я прохожу через них, они меняют цвет под аккомпанемент музыки. Я вышел к месту, в центре которого стоит большой подвижный предмет, его невозможно охватить взглядом, потому что куда ни посмотришь, его поверхность заворачивается внутрь тела. Голова начинает кружиться, и я отвожу взгляд.

Я вижу фигуру, похожую на человеческую. Лица мне не видно. Она протягивает мне руку, в которой ярко горит шарик. Я начинаю приближаться и в порыве доверчивости беру шарик и прикладываю к своему лбу. (*)

И тогда в полной тишине я вдруг ощущаю, как во мне что-то рождается. Мое тело обдают накатывающиеся волны, во мне зреют силы, и чувство огромной радости наполняет меня. (*)

Я понимаю, что фигура говорит мне беззвучно: "Возвращайся в мир со светящимся лбом и руками." (*)

И я принимаю свою судьбу. Затем опять - пузырь и обруч, и звезды, и равнина, и каменная стена. (*)

И, наконец, дорога и я, смиренный странник, который возвращается к своим людям. (*)

Я, который возвращается в своем сиянии к часам и дням обыденной жизни, к человеческому страданию, к простой радости. Я, дающий из своих рук все, что могу, и получающий оскорбления и братское тепло. Я пою песнь сердцу, которое, возрождаясь, выходит из тьмы пропасти на вожденный свет Разума.

ХП. ФЕСТИВАЛЬ

Похоже, что я лежу на койке в больничной палате. Слышу, как из плохо закрытого крана капает вода. Пытаюсь шевельнуть головой и другими частями тела, но они мне не повинуются. Глаза вот-вот закроются.

Мне кажется, что кто-то рядом со мной говорит, будто, к счастью, я уже вне всякой опасности... и теперь мне только надо немного отдохнуть. Непонятно почему, но эти неясные слова приносят мне огромное облегчение. Я чувствую, как тело мое затекает и тяжелеет, становится с каждой минутой все слабее.

Потолок надо мной белый и гладкий, и каждая капля падающей воды отражается на нем подобно лучику света. Капля - лучик. Снова капля. Затем много лучиков, которые волнообразно расходятся по поверхности потолка. Он начинает меняться, следуя ритму моего сердца. Может быть, это вызвано пульсированием крови, проходящей по глазным артериям. Постепенно на поверхности проступает лицо молодой девушки.

- Послушай, - говорит она. - Почему ты не идешь к нам?

- Действительно, - думаю я. - Почему бы и нет?

...Здесь в самом разгаре музыкальный фестиваль, и звуки музыки заполняют светом огромное пространство, устланное зеленой травой и цветами.

Я лежу на лугу, глядя на сцену. Вокруг меня много людей, но мне приятно, что никто никого не стесняет - здесь очень просторно. Поблизости я вижу старых друзей моего детства. Я чувствую, что у них прекрасное настроение.

Мое внимание привлекает цветок, соединенный с веткой тонким стебельком с прозрачной кожицей, внутри которого переливается зеленый свет. Я протягиваю руку и мягко провожу пальцем по этому упругому нежному стебельку с едва заметными уплотнениями. Передвигаясь таким образом между изумрудными листьями, моя рука приближается к лепесткам, которые открываются, взрываясь ослепительным многоцветьем. Лепестки подобны окнам величественного храма, они как рубины и как огонь догорающих в костре головешек... В переливе цветов и оттенков словно живет какая-то часть моего существа. (*)

И с цветка, вздрогнувшего от моего прикосновения, падает капля сонной росы и цепляется за последний лист. Капля, вибрируя, становится овальной, затем удлинняется и уже в воздухе сжимается, чтобы снова округлиться, падая в безграничное время... Падая, падая в вечное пространство... Наконец, ударившись о шляпку гриба, она скатывается по ней как тяжелая ртуть и соскальзывает к самому краю. Там, в экстазе свободы, она бросается вниз, в маленькую лужицу, поднимая грозные волны, омывающие каменно-мраморный остров. (*)

Я поднимаю глаза и вижу золотистую пчелку, которая приближается к цветку, чтобы погрузиться в него. И перед этой картиной вечной жизни я отвожу свою непочтительную руку подальше от ее ослепительного совершенства. Моя рука... Я смотрю на нее с изумлением, словно вижу в первый раз. Поворачивая ее туда-сюда, сжимая и разжимая пальцы, я вижу переплетение линий на ладони и понимаю, что здесь сошлись все дороги мира. Я чувствую, что моя рука и прорезающие ее глубокие линии не принадлежат мне, и я испытываю благодарность за то, что независим от своего тела.

А фестиваль идет полным ходом, и я знаю, что с помощью музыки я соприкасаюсь с той девушкой, рассматривающей свою одежду, и с тем молодым человеком, который, прислонившись к дереву, гладит голубого кота. Я знаю, что когда-то это уже было в моей жизни, мне были знакомы уже и морщинистый силуэт дерева, и объемность тел. И снова я увидел мягкие желто-красные тучи, словно вырезанные из картона и приклеенные на чистом голубом небе. Я испытывал также странное чувство, что времени не существует, словно у меня нет глаз, раз они видят все вокруг прозрачным, далеко от повседневного взгляда, омрачающего действительность. Я чувствую, что все живет и все прекрасно вокруг, что у музыки и у вещей нет имени, и их никак нельзя обозначить. (*)

Бархатные бабочки, порхающие передо мной, воскрешают в моей памяти нежность губ и хрупкость счастливых снов. Рядом со мной движется голубой кот. Я обнаруживаю, что он передвигается сам по себе, без помощи проводов и без дистанционного управления. Он движется сам, и это повергает меня в изумление. В его безупречных движениях и прекрасных желтых глазах заключена жизнь, я это знаю, а все остальное всего лишь маска, как кора дерева, как бабочки, как цветок, как капля ртути, как приклеенные картонные лучи, как рука с перекрещивающимися линиями дорог. На какое-то мгновение мне кажется, что я соприкасаюсь со вселенной. (*)

...Но мягкий голос прерывает меня как раз перед тем, как я собираюсь переходить в иное состояние

сознания:

- "Вы считаете, что все вещи такие? - шепчет он мне - Так я вам скажу, что они не такие, и не иные. Скоро вы вернетесь в свой серенький мир, без радостей, без глубины и без объемов. И вам покажется, что вы потеряли свободу. Сейчас вы меня не понимаете, поскольку вы не умеете мыслить самостоятельно. Ваше кажущееся состояние свободы - это всего лишь продукт химии. Такое происходит с тысячами людей, которым я даю советы. Прощайте!"

Любезный господин исчез. Весь пейзаж начинает скручиваться в длинную светло-серую спираль и волнами укладывается на потолке. Я слышу, как капает вода из крана. Понимаю, что лежу в комнате на постели. Чувствую, что начинаю приходить в себя. Пробую повернуть голову, и у меня это получается. Затем двигаю всем телом, потягиваюсь и убеждаюсь, что я в прекрасной форме. Я радостно вскакиваю с постели, словно отдышал целую вечность.

Я приближаюсь к двери, открываю ее и выхожу в коридор. Быстро иду к выходу из здания и вижу широко открытую дверь, через которую входит и выходит масса людей. Спускаюсь по лестнице и выхожу на улицу.

Ранее утро. Смотрю на часы, и понимаю, что мне нужно спешить. Запуганный кот убегает между машинами и пешеходами. Я смотрю на него и почему-то думаю - "существует другая действительность, которой мои глаза обычно не видят".

ХІІІ. СМЕРТЬ

Мне кажется, что я в театре. Вокруг темно. Сцена постепенно светлеет, и тут я замечаю, что сам нахожусь на ней.

Вся атмосфера напоминает кино. Мерцает свет факелов, а в глубине - гигантские весы с двумя чашами. Я думаю, что потолок, возможно, сводчатый, очень высок, потому что я не вижу, где он заканчивается. Мне удастся разглядеть каменные глыбы, деревья и болота, обрамляющие сцену. Наверное, действие развивается в зарослях джунглей. Со всех сторон я вижу человеческие фигуры, которые передвигаются крадучись.

Вдруг два человека в капюшонах хватают меня за руки. В этот момент глухой голос спрашивает меня:

- Откуда ты пришел?

Я не знаю, что ответить и объясняю, что пришел “изнутри”.

- Что значит “изнутри”? - спрашивает голос.

Я пытаюсь ответить: “Так как я живу в городе, следовательно, то, что находится за городом, представляется для меня как “вне”. Для людей, которые живут за городом, город так же представляется как “вне”. Я живу в городе, то есть “внутри”, поэтому я говорю, что иду “изнутри” и сейчас нахожусь “вне”.

- Это глупость, тыходишь в наши владения, а значит, идешь из “вне”. Это - не сельская местность, а твое “внутри”. Уж не подумал ли ты, что это театр? Ты вошел в театр, который, в свою очередь, находится в твоём городе. Но город, в котором ты живешь, находится вне этого театра.

- Нет, - отвечаю я, - театр - это часть города, в котором я живу.

- Слушай, наглец - говорит голос, - закончим этот бессмысленный спор. Для начала я скажу тебе, что ты уже не живешь в городе. Ты там жил, поэтому все, что для тебя было “внутри” и “вне” осталось в прошлом. Сейчас ты находишься в другом временном пространстве. И в этом измерении все совсем по-другому.

Вдруг передо мной появляется старик. В правой руке он несет сосуд. Подойдя ко мне, он вводит свою левую руку в мое тело, как в масло. Он достает мою печень и кладет в сосуд, затем делает тоже самое с почками, желудком, сердцем и, наконец, достает все, что попадаете ему под руку, так что это уже не помещается в сосуде. Я же не чувствую ничего особенного. Старик разворачивается и несет мои внутренности к весам, он кладет их на одну из чаш, которая опускается до пола. В этот момент мне кажется, что я нахожусь в мясной лавке, где взвешивают куски мяса на глазах у покупателей. Действительно, одна женщина с корзиной хочет забрать мои внутренности, но старик не позволяет ей это сделать, крича: “В чем дело? Кто позволил Вам уносить эти органы?” Старик поднимается по маленькой лестнице к пустой чаше и кладет на нее перо филина.

Голос снова обращается ко мне со следующими словами: “Сейчас ты уже умер и спустился к порогу мира теней. Ты скажешь: “Они взвешивают мои внутренности” и будешь прав. Взвешивать твои внутренности - значит взвешивать твои деяния”.

Люди в капюшонах, которые держали мои руки, отпускают меня и, получив свободу, я медленно иду, не разбирая дороги. Голос продолжает: “Внутренности низа живота горят в адском огне. Хранители огня очень внимательны и не подпускают тех, кто тебе желанен”.

Я замечаю, что голос направляет меня и с каждой фразой сцена меняется. Голос говорит: “Вначале ты заплатишь хранителям, затем войдешь в огонь и вспомнишь все те страдания, что ты причинил любимым и любящим тебя”.(*)

“Ты попросишь прощения у тех, с кем ты плохо обращался и выйдешь очищенным только тогда, когда наступит примирение с ними”.(*)

“Затем позови всех, кому ты сделал больно и попроси их, чтобы они позволили тебе увидеть их лица. Если они подчинятся, вслушайся в их советы, тихие как далекий шум ветра”.(*)

“Поблаговари их от всего сердца и иди вслед за факелом твоего наставника. Пройдя по темным коридорам, он приведет тебя туда, где ждут тени тех, кого ты сильно ранил когда-то. Они и сейчас страдают так же как тогда, когда ты их оставил”.(*)

“Попроси у них прощения. Примирись с ними и поцелуй каждого перед тем, как уйти”.(*)

“Следуй за своим наставником. Он знает, как привести тебя к местам крушений твоих иллюзий, где они уже

никогда не возродятся. О, мир больших потерь, в котором улыбки, восторги и надежды легли на плечи тяжким грузом и обернулись поражением! Внимательно взгляни на длинную цепь поражений, а для этого попроси наставника высветить одну за другой все твои иллюзии”. (*)

“Примиришься с самим собой, прости себя и смейся. Тогда ты увидишь, как из рога изобилия снов вырвется ветер, который развеет в пыль твои надуманные неудачи”.(*)

Вдруг сцена меняется. Я замечаю, что нахожусь совершенно в другом месте, где слышу: “Даже в темном и холодном лесу следуй за своим наставником. Крылья дурных предзнаменований касаются твоей головы. В болотах вокруг тебя змеи свиваются в клубки. Сделай так, чтобы наставник провел тебя к гроту. Ты не сможешь войти в него до тех пор, пока не заплатишь свою цену отвратительным существам, которые охраняют вход. Если, в конце концов, тебе удастся проникнуть туда, попроси наставника осветить все вокруг. Пусть он поднесет свой факел к мраморным фигурам тех, кого ты не смог простить”. (*)

“Прости их одного за другим, и когда твое чувство станет настоящим, статуи оживут и превратятся в людей, которые, улыбнувшись, протянут тебе свои руки в жесте благодарности”.(*)

“Следуй за наставником и, выйдя из грота, ни в коем случае не смотри назад. Оставь своего наставника и возвращайся сюда, где взвешивают деяния умерших. Сейчас посмотри на чашу весов, где лежат твои деяния и убедись, что они стали легче пера”.

Я слышу металлический скрежет по мере того, как поднимается чаша, на которую поставлен сосуд.

Голос продолжает: “Ты простил свое прошлое. С твоей стороны было бы слишком хотеть чего-то большего. Если бы твои амбиции завели тебя еще дальше, ты бы не смог вернуться в мир живых. С тебя достаточно очищения твоего прошлого. А сейчас я говорю тебе: ”Проснись и выйди отсюда”.

Огни сцены медленно угасают. В это время я чувствую, что оказался уже вне того мира и снова нахожусь в этом. Но чувства, пережитые мною там, я принес с собой в этот мир.

Вторая часть

ИГРЫ С ОБРАЗАМИ

I. ЗВЕРЬ

Я нахожусь в абсолютно темном месте. Чувствую под ногами неровную полурастительную-полукаменистую поверхность. Я догадываюсь, что где-то рядом меня поджидает пропасть. Но самое неприятное, я ощущаю, что поблизости притаился тот самый зверь, который вызывал у меня ни с чем не сравнимое чувство ужаса и отвращения. Может, это один зверь, а может их много..., но я совершенно уверен: что-то неотвратно приближается. Вокруг стоит мертвая тишина, но в ушах у меня раздается какой-то шум, порой сливающийся с отдаленным ревом ветра. Мои открытые глаза ничего не видят, сердце учащенно бьется, дыхание прерывается, в горле сжимается горький комок.

Что-то приближается. Что же там такое позади, отчего я чувствую, как по телу бегут мурашки и холодеет спина?

Ноги мои делаются ватными. Если кто-то схватит меня или набросится сзади, я даже не смогу защититься. Стою неподвижно... и жду. Я мучительно думаю о звере и о тех случаях, когда он был возле меня. Особенно вспоминается один случай. Я воскрешаю его в памяти. (*)

Что произошло тогда? Что происходило тогда в моей жизни? Я стараюсь вспомнить неприятности и страхи, которые мучили меня в то время. (*)

Да, моя жизнь тогда находилась на перепутье, и это совпало с той историей. Мне необходимо во что бы то ни стало найти связь между этими событиями. (*)

Я замечаю, что могу размышлять спокойнее. Я понимаю, что существуют животные, которые почти у всех людей вызывают чувство неприязни, но, безусловно, отнюдь не все теряют при этом самообладание. Я задумываюсь над этим. Сравниваю вид этого опасного существа с трудностями, которые я переживал, когда произошел тот случай. (*)

Немного успокоившись, я пытаюсь почувствовать, какая часть моего тела наиболее уязвима и требует большей защиты от опасного зверя. Затем я мысленно связываю ее с трудностями, совпавшими с тем несчастьем. (*)

Зверь заставил меня вспомнить все, что тогда произошло. Мне надо обязательно восстановить в памяти тот темный и болезненный эпизод, о котором я иногда забываю, и понять его. (*)

Надо мной ясное ночное небо и вдали занимается рассвет. Вместе с наступающим днем оживает все вокруг. Я с удовольствием ступаю по мягкому лугу, покрытому росистой травой.

Неожиданно подъезжает машина и из нее выходят два человека, одетых в белые халаты. Они вежливо здороваются со мной и говорят, что поймали зверя, который меня так испугал. Они мне объясняют, что когда к ним поступает сигнал о чьих-то страхах, они тотчас выезжают на охоту, ловят зверя, вызвавшего этот страх, и показывают его испугавшемуся человеку, чтобы он на него как следует посмотрел. Они тотчас ставят передо мной зверя, не сводя с него глаз. Я убеждаюсь в том, что это абсолютно безобидное существо. Пользуясь случаем, я рассматриваю его с большим пристрастием. Мужчины в халатах ласково глядят зверька, и он смотрит на них совершенно дружелюбно. Затем они предлагают, чтобы я проделал то же самое. Я никак не могу на это решиться, необходимо себя преодолеть и я заставляю себя, раз, другой, и в конце концов глажу его. (*)

Зверь реагирует вполне мирно, лениво потягивается. Затем он начинает сжиматься и исчезает.

Машина отъезжает, а я снова пытаюсь вспомнить тот давнишний случай, когда зверь вызвал у меня панический ужас. (*)

Меня что-то подмывает изнутри, и я бегу как спортсмен на дистанции, меня подбадривает свежее утро и прекрасный здоровый воздух. Я бегу в хорошем темпе, глубоко дышу и не чувствую ни малейшей усталости. Увеличиваю скорость и чувствую, что все мышцы и сердце работают, как хорошо отлаженная машина. На бегу я вспоминаю свой страх, но при этом чувствую, что стал намного сильнее и вскоре избавлюсь от этого неприятного чувства навсегда.

Солнце стоит высоко в небе, а я быстро приближаюсь к городу. Мои легкие наполнены воздухом, тело дышит легко и свободно. Я чувствую, что те части моего тела, которые были охвачены страхом, избавлены от него окончательно. (*)

II. САНКИ

Я стою на обширной эспланаде, покрытой снегом. Вокруг множество людей, катающихся на лыжах и санях. У меня изо рта идет пар и я понимаю, что несмотря на сияющее солнце, на улице очень холодно. Порой мое лицо обдают ледяные волны..., но мне от этого только приятно.

Ко мне подходят друзья, они везут сани. Они предлагают мне сесть и самому управлять санями. Объясняют, что это совсем легко и совершенно безопасно. Я сажусь, застегиваю ремни и устраиваюсь поудобнее. Надеваю очки и привожу в движение турбины, которые завывают совсем как небольшие ракеты. Мягко нажимаю на акселератор правой ногой, и сани приходят в движение. Я убираю правую ногу с педали, нажимаю левой ногой. Сани послушно останавливаются. Потом я безо всяких усилий маневрирую рулем, поворачивая вправо и влево. Двое-трое моих друзей догоняют меня, скользя на лыжах. "Жми, старик!" - кричат они. И мчатся вниз по чудесному горному склону, выписывая на снегу причудливые узоры.

Я нажимаю посильнее на акселератор и начинаю плавно спускаться вслед за лыжниками. Не могу не восхищаться великолепным пейзажем - сверкающим снегом и зелеными соснами. Внизу виднеются деревянные домики и сверкающая огнями долина.

Я смело гоню санки вниз, оставляя позади сначала одного лыжника, потом второго и третьего. Мои друзья радостно кричат мне вслед. Я направляю санки в сторону сосен и ловко лавирую между ними. Намеренно ускоряю движение. Нажимаю на акселератор до упора и чувствую необыкновенную мощь турбин. Лечу мимо двух рядов сосен, похожих сейчас на смутные тени, позади меня вздымаются тучи тончайшего белого снега. Ледяной ветер растягивает кожу на лице, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не разжать губы.

На моем пути вырастает деревянное строение, а с обеих сторон от него высятся гигантские трамплины для лыжников. Без колебаний я направляюсь к тому, что слева, и в ту же минуту выключаю моторы, чтобы избежать возможного возгорания при падении...

Взлетаю вверх, словно катапультируюсь, ощущение восхитительное. Пролетаю несколько сотен метров - в ушах воет ветер... Приближаясь к снежной поверхности, замечаю, что угол моего падения точно соответствует наклону горы, так что приземление происходит очень плавно. Снова включаю мотор и гоню сани вперед, приближаясь к долине. Начинаю потихоньку тормозить. Поднимаю очки на лоб и медленно вырulingиваю к гостиничному комплексу. Многочисленные фуникулеры доставляют отсюда спортсменов в горы. Наконец, я въезжаю на эспланаду. Справа впереди чернеет отверстие тоннеля - очевидно, через него проходят поезда. Я нацеливаюсь точно на отверстие тоннеля и проскакиваю через лужи растаявшего снега. Но когда я подъезжаю ближе, то убеждаюсь, что здесь нет ни рельсов, ни следов от машин. Тем не менее, я уверен, что по нему могут проехать большие грузовики. Возможно, что это всего лишь парк снегоуборочных машин. Во всяком случае, я медленно въезжаю в тоннель. Он слабо освещен. Я зажигаю переднюю фару и яркий свет позволяет мне увидеть уходящую вдаль на сотни метров прямую дорогу. Ускоряю ход. Мотор ревет и гулкое эхо отдается под сводами. Замечаю, что впереди тоннель изгибается, но вместо того, чтобы притормозить, я прибавляю скорость. Поэтому, оказавшись на повороте, я совершенно свободно скольжу по стене. Сейчас дорога идет вниз, а затем изгибается вверх, описывая спираль, словно это серпантин или фантастическая пружина.

Ускоряю движение..., спускаюсь вниз, затем поднимаюсь вверх, и понимаю, что в какой-то момент качусь по потолку, затем снова опускаюсь вниз и лечу по прямой. Слегка торможу и качусь по спуску, напоминающему американскую горку. Склон довольно крутой. Спускаясь, я в то же самое время торможу. Скорость уменьшается. Я вижу, что еду по узкому мосту, перекинутому через пустоту. С обеих сторон от него густая тьма. Я еще сильнее торможу и еду по горизонтальной прямо по мосту, равному по ширине моим санкам. Но я чувствую себя очень уверенно. Мост подо мной достаточно прочный. Насколько позволяет мне увидеть свет фары, моя дорога похожа на тугую натянутую струну, отделенную от потолка, от пола, от стен..., отделенную от всего этого пространством бездны. (*)

Я останавливаю свой драндулет, крайне заинтересовавшись увиденным. Начинаю рисовать в своем воображении опасности, которые меня поджидают, но думаю об этом безо всякого страха. Например, мост обрывается, и я падаю в пустоту. Или огромный паук опускается по толстой шелковой нити и ползет на меня, словно я ничтожная мошка. И, наконец, я представляю себе гигантский обвал, и из темных глубин ко мне тянутся длинные щупальца. (*)

Хотя обстановка для всего этого более чем подходящая, я ощущаю в себе достаточно внутренних сил, чтобы победить страх. Так что я снова пытаюсь представить себе нечто страшное и отвратительное, и отдаюсь во власть этих мыслей. (*)

Мне удалось преодолеть самого себя, и я очень доволен, что выдержал испытание. Теперь я снова включаю мотор и отправляюсь в путь. Проезжаю через мост и снова попадаю в тоннель, похожий на тот, что был вначале. На большой скорости я преодолеваю длинный подъем. Мне кажется, что я уже вот-вот выеду из тоннеля. Точка дневного света впереди быстро увеличивается в диаметре. И вот я уже вылетаю прямо на открытую эспланаду гостиничного комплекса.

Я еду очень медленно, чтобы не задеть проходящих мимо людей. Так я приближаюсь к месту, где начинается лыжня. Снова надеваю очки и прибавляю скорость, чтобы побыстрее добраться до склона, а потом и до вершины. Оттуда я начал свою поездку на санях. Набираю, набираю, набираю скорость... Я лечу вверх по склону на такой же бешеной скорости, на которой раньше спускался. Вижу, как приближается деревянное строение с двумя трамплинами по бокам, но сейчас меня отделяет от них вертикальная стена. Поворачиваю налево, продолжаю подъем и объезжаю трамплины. Сосны пролетают мимо меня как неясные тени, а снег вспенивается тончайшим белым облаком...

Впереди я вижу трех моих друзей. Они приветствуют меня, размахивая в воздухе лыжными палками. Я огибаю их на вираже, обдавая снежной волной. Продолжаю подъем и добираюсь до вершины горы. Останавливаюсь. Выключаю турбины. Поднимаю на лоб очки. Расстегиваю пряжки ремней и выхожу из санок. Потягиваюсь всем телом, которое почти не затекло. Подо мной по склону горы бегут вниз великолепные сосны, а вдали рассыпались домики гостиничного комплекса. Вдыхаю чистейший воздух и чувствую, как горное солнце согревает мне лицо.(*)

III. ТРУБОЧИСТ

Я сижу в комнате рядом с незнакомым человеком, к которому, тем не менее, чувствую полное доверие. Судя по всему, он может быть прекрасным советчиком, так как излучает доброту, мудрость и силу. Многим он знаком под живописным прозвищем "Трубочист". Я пришел к нему посоветоваться по поводу некоторых личных проблем, на что он ответил: "Ваше внутреннее напряжение настолько велико, что лучше всего сделать операцию "чистка". Держится он необычайно скромно и незаметно, настолько, что я могу изъясняться совершенно свободно - он сидит рядом, но даже не смотрит на меня. И между нами устанавливается великолепный контакт. Он просит меня полностью расслабиться. Он помогает мне, прикладывая руки к моему лбу и лицевым мышцам. (*)

Затем он берет меня за голову и наклоняет ее вперед и назад, вправо и влево, чтобы расслабились шея и плечи. Он советует, чтобы я не напрягал глаза и челюсти, поскольку это очень важно. (*)

Затем он велит мне расслабить мускулы тела. Сначала спереди, затем сзади. (*)

Он не обращает особого внимания на мускулы рук и ног, поскольку, как он утверждает, они сами расслабятся вследствие предыдущих действий. Сейчас он мне рекомендует, чтобы я почувствовал свое тело совсем мягким, как бы ватным, а также "теплым" и тяжелым, после чего у меня возникает ощущение полного покоя и удовольствия. (*)

Он говорит мне: "А сейчас перейдем к самой сути. Рассмотрите во всех подробностях ту проблему, которая не дает вам покоя. Не думайте о том, как я отнесусь к вашим словам. Представьте себе, что я ваш инструмент, а не наоборот". (*)

"Думайте о том, - продолжает он, - о чем ни под каким видом вы никогда никому не рассказали бы." (*)

"Расскажите мне об этом поподробнее" - говорит он.

"Если хотите, продолжайте рассказывать мне все, что считаете нужным. Не думайте о том, как это сказать и не сдерживайте своих эмоций." (*)

Немного спустя трубочист встает и берет в руки длинный, слегка изогнутый предмет. Он останавливается передо мной и говорит: "Откройте рот". Я подчиняюсь. Затем чувствую, как он вставляет мне в рот нечто, напоминающее длинный пинцет, который доходит до самого желудка. Как это ни странно, но это вполне терпимо...

Вдруг он кричит: "Готово! Схватил!" - и начинает медленно вытаскивать предмет. Вначале мне кажется, что при этом он раздирает мне внутренности, но потом я чувствую приятное облегчение. Кажется, что мои внутренности и легкие освободились от налипшей на них мерзости. (*)

Он окончательно вытаскивает пинцет, и я с удивлением вижу, что на кончике его извивается что-то приторно-сладкое, вязкое, вонючее... Трубочист опускает этот пренеприятный "предмет" в прозрачный флакон, а я чувствую огромное облегчение, словно тело мое очистилось изнутри.

Стоя с открытым ртом, я созерцаю отвратительный "предмет", который начинает растворяться и, в конце концов, превращается в бесформенную желеобразную массу. Затем становится темной жидкостью, светлеет и полностью исчезает, испаряясь в атмосфере, подобно газу. Менее чем за минуту флакон снова стал первозданно чистым.

"Вот видите, - говорит Трубочист, - почему такая процедура называется "чисткой". В общем, сегодня все прошло неплохо. Немного повседневных трудностей с долей унижения, небольшая доза предательства, приправленная чувством вины. Результат: небольшое чудовище, которое мешало вам хорошо спать, нормально переваривать пищу и многое другое. Если бы вы видели... Иногда я извлекаю огромных чудовищ.

Ну, хорошо. Не беспокойтесь, если некоторое время у вас еще сохранится неприятное ощущение... Всего Вам доброго!"

IV. СПУСК

Мы ушли далеко в море на небольшом кораблике. Хотим поднять якорь, но чувствуем, что он за что-то зацепился. Я говорю своим товарищам, что спущусь посмотреть, что происходит. Схожу по лесенке прямо в спокойную воду. Нырнув, вижу косяк небольших рыбок, корпус корабля и якорную цепь. Я подплываю к ней и, держась за нее, начинаю опускаться. Чувствую, что могу свободно дышать и продолжаю спускаться по цепи, пока не достигаю полутемного дна.

Якорь зацепился за обломки металла. Похоже, что это - металлическая крышка. Я приближаюсь и с силой тяну ее вверх. Она поддается. Под ней обнаруживается квадратное отверстие и я залезаю в него. (*)

Погружаюсь еще глубже и, чувствуя, что попадаю в холодное подводное течение, даю ему себя увлечь. Вскоре течение выносит меня к гладкой плоскости, местами покрытой морскими водорослями. Я плыву вверх, держась около плоскости. По мере подъема замечаю, как постепенно светлеет. (*)

Я всплываю на поверхность и оказываюсь в роднике, внутри полутемной пещеры. Поднимаюсь на площадку. Делаю несколько шагов и обнаруживаю лестницу. Осторожно спускаюсь по ее ступенькам. Маленький проход сужается по мере того, как я спускаюсь по все более скользким ступенькам. Горящие факелы освещают путь. Спуск стал почти вертикальным. В воздухе душно и влажно. (*)

Путь мне преграждает ржавая решетка, напоминающая по своему виду дверь. Я толкаю ее и она со скрипом открывается. Лестница закончилась и сейчас я осторожно двигаюсь по покрытому грязью спуску. В нос ударяет застоявшийся могильный запах. (*)

Порыв ветра вот-вот готов загасить факелы. Вдали слышен рев расвирепевшего моря, яростно бросающегося на скалы. Я начинаю сомневаться, удастся ли мне вернуться назад. Ветер свистит со страшной силой и гасит ближайший факел. Тогда я начинаю подниматься, подавляя в себе приступы страха. Медленно карабкаюсь по скользкой поверхности. Наконец, добираюсь до заржавевшей двери. Она закрыта... Я снова открываю ее и, с трудом передвигая ноги, ползу по почти отвесной лестнице, в то время как за моей спиной один за другим гаснут факелы. Каменные ступеньки становятся все более скользкими, поэтому мне приходится быть особенно осторожным. Я возвращаюсь в пещеру, добираюсь до площадки и погружаюсь в родник в тот момент, когда за моей спиной гаснет последний факел. Опускаюсь на глубину и касаюсь гладкой, покрытой водорослями поверхности. Вокруг полная темнота. (*)

Почувствовав холодное течение, плыву в противоположном направлении, что дается мне не без труда. (*)

Наконец-то выбираюсь из течения. Затем резко поднимаюсь вверх и упираюсь головой в каменный потолок. Начинаю на ощупь искать квадратное отверстие. (*)

Вскоре нахожу его и вылезая наружу. Вслед за этим высвобождаю зацепившийся якорь и упираюсь в него ногами. Дергаю цепь, давая сигнал товарищам наверху. Они вытягивают якорь вместе с его пассажиром. По дороге к поверхности я замечаю, что вода начинает заполняться светом. С восхищением, затаив дыхание, смотрю на мелькающих передо мной разноцветных, как радуга, морских обитателей. Всплываю. Отбрасываю цепь и карабкаюсь по лесенке на палубу корабля под радостные крики и шутки моих друзей. (*)

V. ПОДЪЕМ

Дело происходит днем. Я вхожу в дом. Начинаю медленно подниматься по ступенькам. Дохожу до второго этажа. Иду дальше. Вот я уже на плоской крыше. Вижу металлическую лестницу, уходящую спиралью вверх. Лестница без перил. Чтобы дойти до бака с водой, мне надо подняться вверх. Делаю это совершенно спокойно. Я уже стою на баке, под ногами совсем небольшая площадка. Под порывами ветра вся конструкция содрогается. Я продолжаю стоять. (*)

Приближаюсь к краю. Внизу вижу крышу дома. Меня манит к себе пустота, но я удерживаюсь и продолжаю смотреть. Затем окидываю взором окружающее меня пространство. (*)

Над моей головой завис вертолет. Оттуда падает веревочная лестница. Ступеньки у нее деревянные. Я хватаюсь за лестницу и ставлю ноги на последнюю перекладину. Вертолет медленно поднимается вверх. Бак с водой начинает отдаляться и становится все меньше и меньше. (*)

Я поднимаюсь по лестнице и оказываюсь перед дверцей. Хочу ее открыть, но она не поддается. Тогда я смотрю вниз. (*)

В этот момент металлическая дверца открывается. Молодой пилот протягивает мне руку. Я вхожу и вертолет стремительно взмывает вверх. Кто-то говорит, что забарахлил мотор. Почти тотчас я слышу треск шестеренок. Несущий винт вышел из строя. Мы начинаем катастрофически быстро терять высоту. Всем раздают парашюты. Двое из команды прыгают в пустоту. Я стою у открытой двери: падение становится головокружительным. Наконец решаюсь и прыгаю. Лечу головой вниз. От страшной скорости мое дыхание прерывается. Дергаю за кольцо и над головой, словно белая простыня, разворачивается купол. Чувствую рывок и затем стабилизацию. Падение становится более плавным. Мне необходимо попасть точно на крышу бака с водой, иначе я могу свалиться на высоковольтные провода или на сосны, вершины которых уже ошетинились остроконечными копьями. Я маневрирую, дергая за веревки парашюта. К счастью, ветер помогает мне. (*)

Я падаю на бак и скатываюсь к самому краю. Парашют окутывает меня. Я высвобождаюсь и сбрасываю его вниз, наблюдая, как он плюхается на землю. Я встаю на ноги. Очень медленно начинаю спускаться по винтовой лестнице. Попадаю на крышу, а оттуда спускаюсь на второй этаж. Продолжаю идти дальше и не спеша вхожу в комнату... Я уже на первом этаже. Приближаюсь к двери, открываю ее и выбираюсь на улицу.

VI. МАСКИ

Обнаженный, я прогуливаюсь по пляжу nudистов. Чувствую, что меня внимательно рассматривают и мужчины и женщины, и старые и молодые. Кто-то сказал, что они рассматривают меня потому, что заметили мою озабоченность какими-то проблемами. Мне советуют прикрыть тело. Тогда я надеваю шапку и ботинки. И тогда nudисты перестают мною интересоваться. Затем я одеваюсь и ухожу с пляжа... Я тороплюсь на праздник. Я вхожу в дом и какой-то щеголь в передней говорит мне, что прежде чем пройти в зал, надо соответствующим образом одеться, так как сегодня здесь бал-маскарад. Он указывает мне место, где собрано огромное количество самых разных костюмов и масок. Я начинаю с пристрастием выбирать что-нибудь для себя. Перед зеркалами, установленными под углом друг к другу, я примеряю различные маски и полумаски. Я вижу свое отражение в разных ракурсах. Примеряю костюм и маску, которые мне меньше всего подходят.(*)

Но наконец, останавливаюсь на самых интересных. Разглядываю себя со всех сторон. Любой, даже самый незначительный изъян, тут же исчезает и все выглядит как нельзя лучше.(*)

Сияющий, я вхожу в большой зал, где идет праздник. Здесь много людей и все в масках. Воцаряется тишина и люди аплодируют мне за великолепный вид. Они просят меня подняться на эстраду, чтобы спеть и станцевать. Я выполняю их просьбу.(*)

Затем публика просит, чтобы я снял маску и повторил все сначала. Когда я собираюсь это сделать, то замечаю, что на мне тот самый несимпатичный костюм, который я примерял сначала. И, что еще хуже, на мне нет маски. Я чувствую, что смешон и ужасен. Но тем не менее я пою и танцую перед публикой, которая издевается надо мной и свистит.(*)

Какой-то ненормальный мушкетер влезает на эстраду и начинает меня толкать, осыпая оскорблениями. И тогда я, к его неподдельному изумлению, начинаю превращаться в животное. Превращение продолжается, но при этом мое лицо остается прежним. Сначала я становлюсь собакой, затем птицей, и наконец, огромной жабой.(*)

Ко мне приближается шахматная ладья и говорит: "Как вам не стыдно!... Вы же пугаете детей!" Тогда я обретаю свой обычный вид: на мне костюм, который я ношу каждый день. Я медленно уменьшаюсь и становлюсь ростом с маленького ребенка. Спускаясь с эстрады, я смотрю на людей в масках: они все огромны и взирают на меня сверху. Я продолжаю уменьшаться.(*)

Какая-то женщина пронзительно визжит, утверждая, что я насекомое. Она пытается придавить меня ногой, но я стал совсем микроскопическим.(*)

Затем я вновь быстро достигаю роста ребенка и тотчас приобретаю свой нормальный вид. Но ненадолго. Продолжаю расти и люди в панике отступают. Вот моя голова уже касается потолка. Я смотрю на всех сверху.(*)

Узнаю женщину, которая хотела меня раздавить, беру ее в руки и водружаю на эстраду. Женщина истерически вопит. Снова становлюсь самим собой и собираюсь покинуть зал. Выйдя в переднюю, я вижу в зеркале свое совершенно искаженное отражение. Тогда я принимаюсь тереть поверхность зеркала до тех пор, пока оно не возвращает мне мое изображение. Сейчас я выгляжу так прекрасно, как мечтал об этом всегда.(*)

Я машу рукой щеголю у входа и спокойно выхожу на улицу.

VII. ТУЧИ

В крошечной тьме я слышу голос: "И не было тогда ничего сущего и не сущего; не было ни воздуха, ни неба, и тьма нависала над бездною. Не было ни людей, ни зверей, ни птиц, ни рыб, ни раков. Не было деревьев, камней, пещер, оврагов, травы, лесов. Не было галактик и атомов... не было там также супермаркетов. И тогда родился ты, и появился звук и свет, появились тепло и холод, мягкое и жесткое".

Голос замолкает и я замечаю, что поднимаюсь на эскалаторе в гигантском супермаркете. Минуя многие этажи, я достигаю крыши и вижу, что она поднимается, и бегущий вверх эскалатор выносит меня прямо в безоблачное небо. Теперь уже здание супермаркета там, внизу, видится мне необычайно маленьким. Вокруг меня голубое небо. С удовольствием ощущаю, как легкий ветерок колышет мою одежду и я блаженно вдыхаю свежий воздух. Пройдя через мягкие клубы пара, я оказываюсь в море белых туч. Лестница эскалатора изгибается и выпрямляется так, что я могу идти по ней как по тропинке. Продвигаясь вперед, я вижу, что мои ноги ступают по настилу из туч. Шагается мне необыкновенно легко. Поскольку сила притяжения ничтожна, я могу передвигаться большими прыжками. Я легко выделяю пируэты, падаю на спину, снова взлетаю вверх, словно меня подкидывают на большом эластичном мате. Движения мои медленны и я чувствую себя абсолютно раскованным и свободным.(*)

Слышу, как со мной здороваются моя давняя приятельница. Она радостно бежит мне навстречу. Мы обнимаемся и уже вместе падаем и взлетаем, выделяем различные фигуры, смеемся и поем.(*)

Наконец мы садимся, она вытаскивает из-под одежды складную удочку и раскрывает ее. Подготавливает рыболовные снасти, но вместо крючка приспособливает магнит в форме подковы. Затем она начинает разматывать удочку и леска с магнитом пропарывает тучи... Через некоторое время леска начинает дергаться и она кричит: "Клюет! Клюет!" Она вскидывает удочку и вытаскивает большой поднос, притянутый к магниту. На подносе - разнообразные напитки и кушанья. Все очень красиво оформлено. Моя приятельница поудобнее устраивает поднос и мы приступаем к пиршеству. Все, что я пробую, имеет восхитительный вкус. Но самое интересное, что тарелки не пустеют. Во всяком случае вместо одних блюд появляются тотчас другие, стоит нам только о чем-то подумать. Я имею возможность попробовать то, о чем раньше мечтал, и делаю это с большим аппетитом и наслаждением.(*)

Насытившись, мы ложимся навзничь на мягкую подстилку из туч в состоянии полного блаженства.(*)

Я ощущаю во всем теле покой и полную расслабленность, приятно разливается тепло, а в моей голове медленно проплывают приятные мысли.(*)

Я понимаю, что никуда не спешу, не испытываю ни беспокойства, ни каких-либо желаний, мне кажется, что в моем распоряжении вечность.(*)

И вот в таком умиротворенном и спокойном состоянии я стараюсь думать о проблемах, которые меня одолевали в обычной, каждодневной жизни, и вижу, что могу рассматривать их без малейшего напряжения и принимать четкие и бесстрастные решения.(*)

В этот момент я слышу голос моей подруги, которая говорит: "Нам надо возвращаться". Я встаю, делаю несколько шагов и вот уже снова стою на эскалаторе. Он мягко проходит через пелену облаков. Лицо мое окутывает легкий пар и я начинаю медленно опускаться на землю. Приближаюсь к зданию, через крышу которого проходит лента эскалатора. Мимо меня проплывают этажи супермаркета. Везде множество людей, которые с озабоченным видом выбирают покупки. Я закрываю глаза и слышу голос, шепчущий мне на ухо: "Не было тогда ни страха, ни беспокойства, ни желаний, потому что времени не существовало".(*)

VIII. ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД И НАЗАД

Я прохожу по ярко освещенной комнате и открываю дверь. Медленно иду по коридору. Через другую дверь прохожу направо и оказываюсь в другом коридоре. Опять вперед. Дверь слева. Вхожу и иду дальше. Опять дверь слева. Вхожу в нее и иду вперед. Новая дверь слева. Опять вхожу и опять иду вперед. Затем медленно возвращаюсь назад тем же путем и вхожу снова в первую комнату. (*)

В правой части комнаты через большое окно виднеется сад. Я отворяю окно и выхожу в сад. На земле установлен аппарат, который натягивает стальной канат, расположенный очень низко над землей и закрепленный за колышки так, что образуется зигзагообразная линия. Я встаю на него и с трудом удерживаю равновесие. Осторожно делаю первый шаг, затем второй, третий. Я передвигаюсь, следуя всем изгибам каната. Мне это удается без труда. Затем начинаю пятиться спиной в обратном направлении и возвращаюсь в исходную точку. (*)

Спрыгиваю с каната. Возвращаюсь в комнату. Вижу зеркало высотой с меня. Медленно двигаюсь по направлению к нему, наблюдая как мое изображение, естественно, идет мне навстречу. И так, пока не наталкиваюсь на зеркальную поверхность. Затем начинаю пятиться спиной, глядя как мое изображение отдалается. Снова двигаюсь, касаюсь зеркала, но обнаруживаю, что мое изображение отступает и затем исчезает. Сейчас я вижу, как оно движется спиной вперед. Перед самым зеркалом поворачивается на пятках и направляется ко мне. Я выхожу во двор, выложенный крупными плитками. В центре его на черной плитке стоит диван. Все остальные плитки белые. Мне объясняют, что диван обладает способностью двигаться по прямой линии и в разных направлениях, при этом не меняя своего положения. Я устраиваюсь на диване и говорю: "На три плитки вперед!" И диван передвигается в указанном направлении. Четыре направо. Две назад. Две влево. Одна назад. Две влево и, наконец, снова на черную плитку. А теперь: три назад. Одна направо. Одна назад. Четыре направо. Четыре вперед. Пять налево. И снова в исходную точку. Последний раз: три налево. Две назад. Одна вперед. Две направо. Три назад. Одна направо. Четыре вперед - и я опять на черной плитке.

Я встаю и выхожу из дома. Я стою на шоссе. Машин не видно. Прямо навстречу мне идет человек, которого я очень люблю. Он подошел так близко, что вот-вот дотронется до меня. (*)

Он отступает и начинает удаляться, а затем исчезает. (*)

После этого я вижу, что ко мне приближается другой человек, который вызывает у меня глубокую неприязнь. Он подходит ко мне вплотную. (*)

Он отступает и начинает удаляться, а затем исчезает. (*)

Я сижу здесь. Вспоминаю очень тяжелый момент, тогда напротив меня стояло несколько человек. Я отдаляюсь от них. (*)

Вспоминаю сцену, в которой принимаю участие с огромным удовольствием. Но затем отдаляюсь от всего, что там происходит. (*)

IX. ШАХТЕР

Вокруг меня много людей. Мы все в одежде шахтеров. Ждем, когда прибудет грузоподъемник. День только начинается, еще очень рано. Со свинцового неба моросит мелкий дождик. Вдали я различаю темный силуэт завода с торчащими доменными печами. Трубы изрыгают огонь. Дым поднимается к небу плотными столбами. Сквозь мерный отдаленный шум машин прорывается резкий вой сирены, возвещающей о конце рабочей смены. Я вижу, как медленно подъезжает грузоподъемник и, резко дернувшись, останавливается прямо у моих ног. Мы проходим внутрь и встаем на металлическую платформу. Решетчатая дверь закрывается, и мы начинаем медленно опускаться. Люди, стоящие рядом со мной, тихо переговариваются. Свет от грузоподъемника выхватывает из темноты скалистую стену, мимо которой он проезжает. По мере нашего спуска температура воздуха повышается, и становится трудно дышать.

Мы останавливаемся напротив штрека. Большинство моих спутников выходит. Клеть снова закрывается. Нас осталось человек пять шахтеров. Мы продолжаем спускаться и останавливаемся у следующего штрека. Выходят все остальные и я продолжаю спуск в одиночестве. Наконец клеть, вздрогнув, останавливается. Я толкаю решетку и, выйдя из грузоподъемника, направляюсь в слабо освещенную штольню. Слышу шум удаляющегося подъемника.

Передо мной на рельсах стоит вагонетка. Я залезаю в нее и запускаю мотор. Вагонетка медленно ползет по штреку. Рельсы заканчиваются и я останавливаю вагонетку. Выхожу и начинаю выгружать инструменты. Зажигаю лампочку на каске. Слышу отдаленное эхо, похожее на удары отбойного молота и буров... и сквозь этот шум пробивается слабый человеческий голос, зовущий кого-то. Я знаю, что это значит! Бросаю инструменты и перебрасываю через плечо веревки. Затем хватаю молоток и решительно направляюсь вглубь штольни, которая начинает сужаться. Сюда уже не доходит электрический свет. Дорогу мне освещает только лампочка на моей каске. Время от времени я останавливаюсь, чтобы определить, откуда раздается голос. Согнувшись, продолжаю продвигаться вперед. Вскоре проход заканчивается возле свежего шурфа. Судя по всему, недавно здесь был обвал. Между обломками породы и кусками рухнувших деревянных крепей течет вода. Мои ноги увязают в жидком месиве. Я начинаю ворочать камни, помогая себе молотком. Наконец под грудой камней обнаруживаю горизонтальное отверстие. Пока я прикидываю, как мне лучше в него пролезть, я явственно слышу стоны... По всей видимости, попавший в беду шахтер находится в нескольких метрах от меня. Я просовываю обух молота в щель между скалами и прикрепляю к нему конец веревки, а другой конец обвязываю вокруг пояса и укрепляю с помощью металлической пряжки. С трудом протискиваюсь в отверстие. Работая локтями, ползу вниз. Свет лампочки показывает, что проход сужается и заканчивается тупиком. Я задыхаюсь от влажной жары, не могу продохнуть. (*)

По моим ногам течет густая грязь. Она разливается вверх по моему телу и липнет к груди. Я понимаю, что скоро все пространство заполнится этой грязью, похожей на ил. Я пытаюсь надавить спиной на потолок, но чувствую, как она прилипает к живой породе. Пытаюсь отползти назад, но тщетно. Стоны раздаются все ближе. (*)

Я кричу изо всех сил и земля подо мной поддается и обваливается, увлекая меня за собой... Внезапно я чувствую резкий толчок в поясницу, веревка натягивается, и падение прекращается. Я повисаю в воздухе, подобно покрытому глиной маятнику. Я повис над самым полом, покрытым коврами. Я нахожусь в ярко освещенном элегантном зале, в котором расположено нечто вроде лаборатории и огромной библиотеки. Но меня сейчас волнует только одна мысль - как отсюда выбраться.левой рукой я хватаю натянутую веревку, а правой расстегиваю пряжку, которой эта веревка была укреплена у меня на поясе. Затем я мягко падаю на ковер.

- Какие у вас манеры, друг мой! Какие манеры! - произносит писклявый голос. Я оборачиваюсь и застываю в изумлении. Передо мной стоит крошечный человек, ростом сантиметров в шестьдесят. За исключением несколько заостренных ушей, все остальное в нем, можно сказать, необычайно пропорционально. На нем одежда шахтера, но очень ярких тонов. Когда он предлагает мне коктейль, то становится и смешно и неприятно. Тем не менее я выпиваю его, не моргнув глазом.

Человек складывает ручки и подносит их к губам наподобие рупора. Затем издает так хорошо знакомый мне стон. Во мне поднимается возмущение. Я спрашиваю, что значит эта дурацкая шутка и он отвечает, что благодаря этому мое пищеварение скоро значительно улучшится. Это существо объясняет мне, что веревка, которая во время падения стягивала мне живот и поясницу, сделала очень полезное дело. Положительную роль сыграло также то, что я полз по штреку на локтях. Заканчивая свои странные комментарии он спрашивает, хорошо ли я понимаю смысл фразы: "Вы находитесь в недрах земли". Я отвечаю ему, что это лишь образное выражение, но он возражает, что в данном случае ничего образного нет. И добавляет: "Вы

находитесь в своих собственных недрах. Когда во внутренностях человека что-то неблагополучно, он плохо соображает. В свою очередь, плохие мысли отрицательно влияют на функции внутренних органов. Так что в будущем вы должны уделять этому больше внимания. Если вы не будете этого делать, то я начну шагать и вы почувствуете сильную щекотку и внутренние недомогания... У меня есть коллеги, которые занимаются другими частями тела - легкими, сердцем и т.д." Сказав это, человечек начинает ходить по стенам и потолку, и в то же время я чувствую напряжение в области живота, печени и почек.(*)

Затем он направляет на меня струю воды из золотого шланга и тщательно смывает с меня грязь. Я тотчас становлюсь чистым и сухим, растягиваюсь на широченной тахте и успокаиваюсь. Человечек ритмично проводит маленькой щеточкой по моему животу и пояснице и тотчас я чувствую большое облегчение в этих местах. Я понимаю, что как только пройдет недомогание в желудке, печени или почках, сразу изменятся мои мысли и чувства.(*)

Я ощущаю вибрацию и понимаю, что поднимаюсь вверх. Я снова нахожусь в клетке грузоподъемника, который скоро доставит меня к поверхности земли.

КОММЕНТАРИЙ К НАПРАВЛЯЕМЫМ ОПЫТАМ

Что касается схемы построения «Направляемых опытов жизни», то в ней следует выделить следующее: 1. Введение в тему; 2. Усиление напряжения; 3. Представление наиболее проблематичных психологических узлов; 4. Развязка (или варианты решения узлов-проблем); 5. Смягчение напряжения и 6. Плавный выход, как правило, с обратным прохождением через предыдущие этапы. Последнее позволяет осуществить некое подобие синтеза всего Опыта.

Звездочки служат для обозначения паузы, в которую можно поместить собственные образы.

РАССКАЗЫ

I. Мальчик.

Картина, через которую герой входит в Луна-парк — это образ, навеянный первой картой тарока*. Речь идет об образе игрока, с которым всегда ассоциировалась обратная сторона реальности, шулерство и трюкачество. Он похож на фокусника и открывает возможность для совершения нерациональных действий, выпускает в мир чудес, присущий детским воспоминаниям.

II. Враг.

«Паралич», охватывающий большую часть рассказа, позволяет воссоздать ситуации, в которых многие эмоции теряют свою насыщенность благодаря тому, что динамика образа дается очень медленно. Таким образом, удастся создать атмосферу примирения, подчеркивая, что тот, кто «прощает», находится в более выигрышном положении, чем тот, от которого исходила инициатива и кто был «обидчиком».

III. Самая большая ошибка.

Основой для сцены с пожарными, являющимися орудием правосудия, стала книга Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». В данном случае образ рассматривается в контрасте со смертной казнью через гибель от жажды в безлюдной пустыне. Та же самая идея позволяет изобразить абсурдность судебного процесса, на котором обвиняемый, вместо того, чтобы сбросить с себя груз предполагаемой вины, набирает полный рот воды и полощет горло. Когда Секретарь заключает свою речь словами: «Я сказал: «Я все сказал!», то здесь явная аналогия со словами Понтия Пилата, произнесенными на том знаменитом сюрреалистическом процессе.

Старцы, олицетворяющие часы, также встречаются в «Апокалипсисе» Лоуренса.

Тема с очками, которые показывают все наоборот, очень известна в экспериментальной психологии, и она упоминалась также Мерло-Понти в его «Структуре поведения».

V. Идеальная пара.

Образ великана навеян книгой Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Песня напоминает праздники в Стране Басков и песни, которые пели «великаны» и «большеголовые».

Голографический образ взят из книги «Конец детства» Кларка.

Все, что связано с поисками, и намек на фразу «не оборачивайся», основано на истории Орфея и Эвридики в Аиде.

* Тарок (или тарот) — карточная колода, отличная от принятой в России. Распространена главным образом во Франции, Испании и других западноевропейских странах. Первая карта тарока, «фокусник», символизирует активное и созидательное начало в человеке. В перевернутом виде она означает болтуна и обманщика (здесь и далее прим. редактора).

VI. Обида.

Сюжет выдержан в классическом контексте, а описание улиц города наводит на мысль о Венеции или Амстердаме.

Слова песни первого юра являются модификацией гимна Орфея Танатосу, который содержал следующие слова: «Послушай меня, о Танатос, чья неограниченная власть в любом месте настигает смертных людей! От тебя зависит определенный нам срок жизни, а твое отсутствие может его продлить, в то время как твое присутствие его сокращает. Твой вечный сон уничтожает живые толпы людей, а их души, в силу притяжения, не могут оторваться от тела, независимо от его возраста и пола, поскольку никто не может избежать твоего деструктивного действия».

Слова песни второго юра основаны на гимне Мнемозине, где говорится: «Ты обладаешь силой разбудить впавшего в летаргический сон, соединив сердце с головой, освобождая ум от пустоты, укрепляя и стимулируя его, отгоняя мрак от внутреннего взгляда и забывья».

Что касается диалога с призраком, то в конце он говорит: «Но теперь прощай! Уже светляк провозглашает утро и гасит свой ненужный огонек. Прощай, прощай! И помни обо мне». Это цитата из первого акта сцены V «Гамлета» Шекспира*, где речь идет о тени отца, поведавшей принцу тайну того, кто же именно его отравил.

Лодка, являющаяся также погребальной каретой, напоминает нам этимологию слова «карнавал»**. Подобные черные повозки, иногда украшенные большими раковинами, внутри которых помещался гроб, осыпанный цветами, напоминают путешествие по воде. Того же происхождения были и водные игры с цветами во время древнеримских Луперкалий. Здесь речь идет о масках и превращениях, когда в конце рассказа мрачный Харон, возвращающийся с острова мертвых, вдруг становится молодым моряком, ведущим спортивную лодку.

Этот рассказ содержит сложную и многообразную игру образов, где каждый элемент требует специального изучения: будь то неподвижное море или лодка, висящая над водой, горящая накидка, хоры, кипарисы, являющиеся неотъемлемой частью греческих островов и кладбищ, и т.д.

VII. Покровительница жизни.

Тема навеяна 21-ой картой тарока. В колоде тарока есть образ, максимально приближенный к образу этого рассказа***. Однако речь идет ни о первой систематизации тарока, принадлежащей Гебелину, ни о цыганском тароке, ни о египетском псевдотароке. На тему *Anima Mundi* (называемой в тароке «мир») есть очень характерная гравюра в книге Фладда *Utriusque Cosmi Maioris*, опубликованной в 1617 году. Юнг тоже упоминает об этом персонаже в своей книге «Метаморфозы и символы либидо». Кроме того, во многих религиях существуют такие «святые девы из грота». Здесь покровительница жизни и является такой девой из грота с элементами греческого язычества, такими, как венок из цветов и олененок, лижущий ее руку. Она напоминает Артемиду или ее римского аналога Диану. Если сменить цветочный венок на венок из звезд или поставить ее на серп месяца, то мы получим образ девы из грота, но уже ставшей достоянием новых религий, вытеснивших язычество.

Действие разворачивается на фоне тропиков, и это подчеркивает несколько необычный характер ситуации. Особенность воды, которую пьет главный герой рассказа, заключается в том, что она напоминает эликсир жизни. Все эти элементы в совокупности служат одной цели — они превозносят примирение с собственным телом.

VIII. Спасительное действие.

Общая разреженность сюжета достигается неопределенностью времени («Я не могу понять, то ли рассветает, то ли наступает ночь»); противопоставлением пространств («Я вижу великана, который четко разделяет два пространства: то, в котором нахожусь я, мертвенное и каменистое, от другого, наполненного яркой растительностью и жизнью»); исключением возможной связи между людьми или созданием

* Перевод М. Лозинского.

** *Carraus navalis* (лат.) — морская повозка.

*** На этой карте в центре изображена обнаженная женская фигура, обрамленная венком, по углам — святой, орел, лев и конь. Символизирует психическое и духовное озарение, гармонию космических начал в человеке.

вавилонского смешения языков («Я спрашиваю своего спутника, что происходит. Он бросает на меня быстрый взгляд и отвечает на непонятном языке: «Rex voluntas»). И, наконец, героя бросают на милость неподвластных ему сил (жара, землетрясения, странные астрономические явления, радиоактивные воды, война, вооруженный великан и т.д.).

Благодаря вышеуказанным средствам человек, выйдя из этого хаотического времени-пространства, может размышлять о менее катастрофических аспектах своей жизни и строить реалистические предположения на будущее.

Четыре грозные тучи — образ из «Апокалипсиса» Иоанна из Патмоса (6.2—6.8): «Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец: и вышел он как победоносный, и чтобы победить. И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей... И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним;...»

IX. Напрасные надежды.

Здесь сюжет переключается с темой «Божественной комедии» Данте. Вспомним, что Данте и Вергилий прочитали на знаменитых вратах: «Per me si va ne la citta dolente, per me si va ne l'eterno dolore, per me si va tra la perduta gente. Giustizia mosse il mio alto attore; fecemi la divina potestate, la somma sapienza e'l primo amore. Dinanzi a me non fur cose create se non eterne, e io eterna duro: lasciate ogni speranza, voi ch' entrate».

XI. Путешествие.

Быстрое передвижение пузырька напоминает путешествие, блестяще описанное Стейпледом в его «Создателе звезд». Описание эффекта Доплера в изменении окраски звезд под воздействием скорости содержится в завуалированном виде в следующей фразе рассказа «Я чувствую, что скорость увеличивается. Прозрачные звезды изменяют цвет и вскоре исчезают в полной темноте».

Здесь имеется интересный ход мысли: «Словно выпущенные из рогатки, мы резко взмываем вверх. По-моему, мы летим в направлении Бета-Гидрис...» Из текста следует, что пузырек летит по прямой вверх. Почему автор указывает эти космические направления? Если в момент описания солнце садится («Там, где бездна, царит ночь, а там, где равнина, последние лучи солнца рассыпаются многоцветьем огоньков»), то этого факта достаточно, чтобы определить, куда по местному времени происходит описываемое событие. Учитывая, что книга была написана в середине 1980 года (в качестве середины используется 30 июня) и что место написания книги расположено на 69° западной долготы и 33° южной широты, местное время — 19 часов, с опозданием в четыре часа от Гринвича. В это время точка подъема в 90° (т.е. точка, расположенная над пузырьком и являющаяся целью движения) указывает нам на ближайший к Насосу участок неба между созвездиями Южного Креста и Ворона, что позволяет определить небесные тела. Среди последних и фигурируют Бета-Гидрис и NGC 3621. Во всяком случае, среди многих странных вещей, описанных в данной книге, эта астрономическая вольность простительна.

Что касается движущегося тела, то в рассказе говорится: «Я вышел к месту, в центре которого стоит большой подвижный предмет. Его невозможно охватить взглядом, потому что куда ни помотришь, его поверхность заворачивается внутрь тела. Меня начинает мутить, и я отвожу взгляд. Без сомнения, это описание напоминает некоторые топографические построения современной геометрии, которые воплотились в «заворачивающиеся» предметы. Автор достигает ошеломляющего эффекта, приводя в движение подобный вид тел. Вспомним гравюру на дереве, изображающую лист Мебиуса, и мы приблизимся к центральной идее: работа эта, несмотря на свой статичный характер, оставляет ощущение парадоксальной поверхности и парадоксального восприятия. В своей работе «Вечный и хрупкий виток» Хофстедтер поясняет: «В понятии странных витков заложена идея бесконечности. Таким образом, виток — это не что иное, как способ конечного представления бесконечного процесса. Бесконечность играет большую роль в рисунках Эшера, которые представляют слепки некоторой темы, соединены друг с другом и составляющие визуальные аналогии канонов Баха». В соответствии с этим обстоятельством, предметом данного опыта является «виток в движении».

ИГРЫ С ОБРАЗАМИ

VI. Маски

Многие элементы этого рассказа напоминают эпизоды из книги «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Кэрролла. Например: «Ладно, я съем тебя, — сказала Алиса. — Если я от этого увеличусь, я достану ключ. А если еще уменьшусь, то пролезу в щелочку под дверь. Что бы ни случилось, а в сад я попаду... Держа руку над головой, чтобы вовремя заметить, в какую сторону она начнет изменяться, она откусила кусочек». И в другом эпизоде, где речь идет о превращениях в пространстве: «Давай как будто стекло такое, что сквозь него можно пройти. Ой! Оно превращается во что-то вроде тумана! Гляди-ка! Сейчас я сквозь него пройду!»* В книге Толкьена «Властелин колец» мы тоже находим сцены изменений образов в волшебном зеркале, как это встречается почти во всей всемирной мифологии. Что касается превращения человеческого существа в животное, то эта линия ведет непосредственно от древних традиций к «Превращениям» Кафки. Иными словами, все эти темы довольно известны, однако в книге Сило они выглядят весьма оригинально. Мы считаем, что как в диалоге «Федр» Платона, «лучшие произведения на самом деле служат тому, чтобы пробудить воспоминания о том, что уже давно известно».

VII. Тучи.

Этот рассказ носит то же название, что комедия Аристофана, поставленная в 424 г. до нашей эры. Во всем повествовании ощущается веселый и насмешливый подтекст, словно намекающий на греческие творения. Голос, который слышится вначале, объединяет в единое целое объяснение генезиса по трем крупнейшим источникам. Так, в одном из гимнов Ригvedы говорится: «И не было тогда ничего сущего и не сущего, не было ни царства воздуха, ни царства неба за ним». Что касается «... И тьма над бездною» — это прямая цитата из первой книги Моисея (Бытие. 1,2). А фраза «...не было ни людей, ни зверей, ни птиц, ни рыб, ни раков. Не было деревьев, камней, пещер, оврагов, травы, лесов» соответствует Пополь-Вух, священной книге индейцев киче в записи Чичикастенанго. Слова «...не было ни галактик, ни атомов» типичны для современного языка газет, комментирующих теории Большого Взрыва. И, наконец: «...не было там также супермаркетов» — как объяснял сам автор, здесь речь идет о высказывании четырехлетней девочки. Девочку спросили: «Объясни мне, Нанси, что было, когда мир еще не существовал?» Она ответила: «Не было ни папы, ни мамы, и не было даже супермаркетов».

IX. Шахтер.

Человек в шахте — это гном, персонаж, живущий под землей и очень распространенный в европейских сказках и легендах. В данном рассказе его надо рассматривать как аллегория, соответствующую превращению внутренних сенестетических импульсов в визуальный образ.

* Перевод А. Щербакова.

СОДЕРЖАНИЕ

Лекция прочитана Сило в связи с представлением книги

Пояснения комментатора

Первая часть: РАССКАЗЫ

- I. Ребенок
- II. Враг
- III. Самая большая ошибка
- IV. Ностальгия
- V. Идеальная пара
- VI. Обида
- VII. Покровительница жизни
- VIII. Спасительное действие
- IX. Напрасные надежды
- X. Повторение
- XI. Путешествие
- XII. Фестиваль
- XIII. Смерть

Вторая часть: ИГРЫ С ОБРАЗАМИ

- I. Зверь
- II. Санки
- III. Трубочист
- IV. Спуск
- V. Подъем
- VI. Маски
- VII. Тучи
- VIII. Движение вперед и назад
- IX. Шахтер

Комментарий к направляемым опытам